

Р 37106

Героическая поэзия
Древней Руси

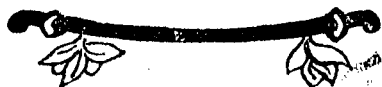

Ленинградский государственный университет имени Александра Матусовского

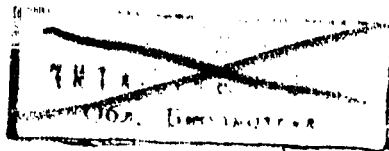

ГЕРОИЧЕСКАЯ
ПОЭЗИЯ
ДРЕВНЕЙ РУСИ

ОГНЗ

Государственное
Издательство
Искусственной Литературы
Ленинград
1944

37/06

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Древняя русская литература всегда привлекала внимание писателей. Они не раз черпали темы, вдохновлялись образами, заимствовали сюжеты, и в поздних художественных обработках Льва Толстого, Некрасова, Лескова, Блока и многих других вновь и вновь оживала творческая мысль создателей древней русской литературы.

Параллельно с проблемой новых литературных интерпретаций вставала проблема перевода. Взгляды писателей на характер перевода были различны. Некоторые из деятелей литературы требовали буквальной точности перевода. Еще в XVIII в. В. К. Тредьяковский, говоря о технике переводов и поучая литераторов, указывал, что переводчик на языке, чуждом оригиналу, должен передать всю красоту, все особенности подлинника—так, чтобы строки перевода и переводимого совпадали и по смыслу и по звучанию. От такого требования точности в переводе поэты и писатели отступали весьма часто. Они сохраняли сюжет, тему, идею, даже образ, но окрашивали их новыми тонами. В переводе нередко произведения одного жанра переходили в другой. Таковы были, например, переводы И. Козлова, который превращал в романс и плач Ярославны из «Слова о полку Игореве», и прощание Чайльда Гарольда, и многое другое. И все же формально его перевод был точен.

Наряду с точным переводом существовал вольный. Тяготение к нему обуславливалось стремлением к большей авторской свободе. В таких вольных переводах переводчик не только пересказывает текст, но и редактирует его соответственно своему творческому замыслу. И, наконец, известны такие типы переводов, когда автор, рисуя образ оригинала, стремится сохранить в пределах взятой темы всего лишь идею и настроение, создавая совершенно новое, не связанное с переводимым текстом словесное оформление. Такие переводы нередки, например, у Пушкина, у Лермонтова. Литературная практика доказала допустимость всех указанных типов переводов.

В печатаемом сборнике публикуются переводы Н. Беллинович, В. Васильева, Д. Левоневского, В. Саянова и В. Стеллецкого. Сборник «Героическая поэзия древней Руси», составленный из их переводов, должен расцениваться как книга творчества переводчиков, заинтересовавшихся памятниками древней русской литературы. Печатаемые переводы не адекватны подлинникам. Переводчики не всегда придерживались точной передачи оригинала, и это особенно ясно видно на переводах В. Саянова. Наиболее точными (но не абсолютно точными) следует признать переводы В. Стеллецкого и Н. Беллинович. Переводы заслуживают внимания как творческие попытки воспроизвести литературным языком нашего времени темы и образы старых русских писателей. Надо приветствовать почин ленинградских поэтов, пересказавших своим современникам повести минувших столетий. И если в переводах отсутствует точность передачи оригинала, то это оправдывается правом поэта рассказать по-своему о вдохновившем его.

Русское искусство, связанное с историческими судьбами русского народа, — искусство мирового значения. Таким оно стало уже в ту пору, когда начинало складываться государство древней Руси. Славяне привлекали всеобщее внимание еще до создания в X веке Владимиром Святославичем государства с характерными чертами средневековой европейской культуры. Деятельность знаменитых древнерусских князей — Олега, прозванного Вещим, Игоря, Ольги, Святослава, Владимира твердо и последовательно вела народ к могуществу и славе. Увеличение славянской территории, воинская

мощь восточно-славянских племен, для которых были характерны отвага, ум и воинская доблесть, заставляли западных и южных соседей Руси уже на переломе первого и второго тысячелетий считаться с русским народом. Перед деятелями древней Руси стояла задача создания государства европейского типа со всеми особенностями культурной жизни Европы, но с сохранением национальных славянских черт. Решительный шаг в этом направлении был сделан Владимиром Святославичем, реформировавшим Русь и приобщившим ее к христианской культуре средневековой Европы. С христианством, принятым Русью по летописному сообщению в 988 году, пришла грамотность, появилась книга на славянском языке. При Владимире же стали ощущаться первые веяния новой культуры; но расцвет древнерусского просвещения начинается при сыне Владимира, Ярославе, прозванном Мудрым. Древний летописец как начальную дату расцвета культуры на Руси указывает 1037 г.¹

Пока 1037 г. в летописи рассказывается о том, как Ярослав собрал переводчиков, которые по его приказу переводили книги на русский язык. Летопись ставит начало просветительской деятельности Ярослава в связь с построением церкви св. Софии и с учреждением митрополии. Указываемая летописцем связь не случайна. В этом указании отражено сознание человека средневековья, воспринявшего европейскую культуру. Господство религиозной мысли характеризует культуру Европы средних веков.² Для людей X—XI столетий Русь являлась национальным государством с общеевропейской культурой. Общение славян с западным миром и с православной Византией вызывало обмен памятниками культуры; с христианством на Русь широкой волной стали вливаться произведения литературы. Они должны

¹ В 1036 г. умер брат Ярослава, Мстислав Тмутараканский, с которым долго боролся Ярослав из-за княжеской власти; борьба завершилась разделением Руси по Днепру, причем Мстислав овладел русской землей по левую сторону Днепра, правобережной же стороной с г. Киевом владел Ярослав; после смерти Мстислава Ярослав стал единодержцем.

² Об этом см. у Фр. Энгельса в его труде «Крестьянские войны в Германии».

были видоизменить сознание недавнего язычника, превратить его и по характеру мировоззрения в современника-европейца. По-новому истолковывались факты естествознания, мироздания, географии; новый смысл мировой истории раскрывался в переведенных хрониках Георгия Амартола, Иоанна Синкелла и других. Пробудившееся чувство государственности с особым вниманием останавливалось на проблемах истории. Создание государства порождало потребность знать национальную историю, вызывало стремление записать события, факты, легенды, связанные с деятельностью отдельных лиц и жизнью народа. Надо было создать историческую книгу русского народа. Такой рукописью явилась летопись, дошедшая до нас в большом количестве списков (около 200).

Летопись не принадлежит какому-либо одному автору. Начало ее относится к XI веку: на протяжении ряда веков авторы различных настроений и взглядов строили сложное здание исторического документа, переплетая в нем факты истории с вымыслом и бродячей легендой. Древнейшая из дошедших до нас летописей «Повесть временных лет» сохранилась включенной в Лаврентьевский и Ипатьевский летописные своды. «Повесть временных лет» в первой редакции была написана в Киево-Печерском монастыре Нестором в 1112 г.; в 1116 г. она была переработана игуменом Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестром, а в 1118 г. Сильвестровскую редакцию переработал постриженник Киево-Печерского монастыря, духовник Мстислава Владимировича, дополнивший «Повесть» известиями о деятельности Владимира Мономаха и присоединивший к летописи Мономахово «Поучение к детям». «Повесть временных лет» повествовала, «откуда есть-пошла» земля русская, и доводила изложение событий до 1110 г. События последующих лет развертывались в повествованиях других летописей (Киевской, Галицко-Волынской, Суздальской и др.).

Летопись, оформлявшаяся в течение ряда веков, не была бесстрастным хладным повествованием: прав был академик А. А. Шахматов, утверждавший, что «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы».¹ Мирские интересы летописца-монаха впол-

¹ А. А. Шахматов, «Повесть временных лет», т. I, стр. XVI.

не понятны. Со времени своего появления на Руси монастыри активно участвовали в политической жизни государства. Они являлись центрами культурной жизни; факты их участия в борьбе с Византией, стремившейся к господству на Руси, а позднее в борьбе с татарами многочисленны и широко известны.

В литературу летопись вошла как памятник, сохранивший художественные предания и легенды, записанные в форме исторических свидетельств. Не все предания, сохраненные пером летописца, рассказывают о действительно совершавшемся в пределах русской земли. Такие сказания, как, например, легенда о смерти Олега Вещего, о мести княгини Ольги древлянам и тому подобные, принадлежат к числу бродячих международных рассказов. Многие повествования являются письменным отражением народного вымысла, фантазии, прикрепленной к тому или другому историческому лицу. Нельзя считать каждое слово летописи бесспорным историческим документом. И вместе с тем всё в летописи — вплоть до явной фантастики, явного вымысла — имеет значение свидетельств истории, потому что в ней отражены миропонимание и переживания народа, оценки действительности, данные им. Сохранение вымысла, введенного в рассказ о том, что действительно было, имело свои основания. Бродячие сказания и народные легенды, прикрепляясь к именам исторических лиц, приобретали значение народных характеристик и оценок действительности.

К числу таких вымышленных историй относится, например, притча о Белгородском киселе. Это сказание явно сказочного характера; но оно ярко и образно характеризует стойкость и находчивость русских людей перед лицом опасности. Летописец рассказал в поучение потомству о том, как в 997 г. печенеги осаждали Белгород. И не было прохода в город, и пища в городе была на исходе. Угроза голода вставала перед людьми. И когда уже нечего было есть, один из жителей города, старец, велел сделать в два колодца кадки. Из остатков муки сделали кисель и налили его в одну из них, в другую же налили меду. И позвали людей от печенегов показать, как осажденных кормит сама мать-русская земля. И уверовали тому печенеги и ушли от людей, которых земля защищает.

Притча — вымысел. Но этот вымысел мог быть создан

только таким народом и записан таким летописцем, который веровал в непобедимость Родины. Любовь к Родине, высокие патриотические чувства народа отражены летописью. Русская летопись, записывая строки о поражениях и победах, воспевая своих деятелей, создает величественный образ Руси. Вымысел и история всего лишь детали, используемые в творческой работе народа над созданием повествования об истории государства.

Образ Руси неотступно видится в большинстве памятников нашей древней литературы. Одним из замечательнейших произведений всего мира является «Слово о полку Игореве», повесть, рассказывающая о походе Игоря Святославича 1185 г.¹

Неведомый нам автор «Слова» построил свое произведение как историческую песнь, воспользовавшись приемами народного стихотворного эпоса. «Слово» композиционно строится из трех частей, объединяя содержание вокруг ведущих образов: 1) Игоря и Всеволода, 2) Святослава, 3) Ярославны. Повествование начинается введением и завершается заключением. Уже в самом начале произведения автор «Слова» подчеркивает, что он будет говорить о свершившемся событии, но не о вымысле. Он вспоминает вещего певца Бояна, который в песнях своих увековечивал славу русского государства. Но не только прошлое достойно песен Бояна. Жизнь и в позднейшие времена знает героический подвиг, достойный воспевания. Величайший подвиг — подвиг борьбы за свободу Родины. И патриотические чувства Игоря, ведущего войска свои на врага, и стремление его, слившись с русским народом, противостоять насту-

¹ В Лаврентьевской летописи вписана повесть об этом же походе. Летописная повесть деловито и просто рассказывает о событиях 1185 г. В ней отсутствуют лирические авторские отступления и эмоциональная символика. Композиционно летописная повесть состоит из четырех неравных по объему частей: 1. Описание похода Игоря, двух эпизодов боя, поражения русского войска и плена Игоря. 2. Рассказа о сборах против половцев киевского Святослава. 3. Изображения половцкого стана и набега половцев. 4. Повествования о победе и возвращении Игоря.

находящему на Русь степному кочевью — все достойно несни Бояна. И в песне той должна звучать слава непобедимому духу русского воинства.

Образ Бояна рождает чувство напряженно-торжественного восприятия патриотической темы. Стилем бояновых песен автор начинает сказ о событиях современной ему жизни. От поэтического песнетворческого введения автор переходит к повествованию о походе Игоря.

Первая часть «Слова», рассказывающая об Игоре и Всеволоде, имеет целью не только описать поход, но и охарактеризовать русское воинство и половцев. Тема характеристики войска начинает эту часть; она проходит в рассказе о соединении Игоря с Всеволодом и его дружиной. О воинской доблести русских дружинников говорят князья: *куране—под трубами повиты, под шеломами взлелены, концом колья вскормлены*. Куране—тип русского воина. С беззаветно смелой, опытной в боях дружиной князья спокойно и четко вступают в степи, идут на встречу коварному врагу. Русской дружине противопоставлены половцы, скачущие непроторенными дорогами, пригнувшись к лошадиным развешающимся гривам.

Первый бой — как бы логический вывод из противопоставления. Спокойная сила русских, ясная уверенность в справедливости воинского похода должны были найти закономерное завершение в разгроме врага Руси.

Следуя исторической канве, «Слово» далее переходит к рассказу о втором бое. Таким образом первая часть произведения построена двучленно: вначале дана характеристика возможностей русских воинов и их победы над врагом; затем описывается поражение дружины и ставится вопрос о причинах его. Это центральное место первой части «Слова», и на нем сосредоточивается внимание. Самый факт поражения русской дружины мог бы рассматриваться как частность, как случай. Но этот случай принадлежал к числу таких, которые являлись следствием общего положения вещей. Аналитический ум автора «Слова» ясно видит это и ищет объяснений. Объяснение найдено и воплощено в блестящей художественной форме, использующей приемы параллелизма явлений природы и действий людей, авторского лирического отступления, реалистической батальной живописи. В «Слове» слились воедино человек и природа. Они — части единого целого — великой и могу-

чей Руси. Природа Руси одушевлена. Она дана как некая сила, которая предвидит будущее, она предсказывает русским несчастье в грядущем бою, который должен был бы закончиться победоносно, подобно боям первых русских князей. Так должно было быть потому, что слава война жила в современниках Игоря. Разве яр-тур Всеволод не воплотил в себе лучшие черты богатыря-дружинника? И все же русская рать — так предрекает природа — обречена на гибель. Гибель русских — от княжьих крамол. Логически развивая эту мысль, автор «Слова» дает свое первое лирико-героическое отступление. Он вспоминает о начале междоусобной борьбы. Хотя и не потускнели отвага и сила русского воина, хотя попрежнему величественна героика битв дружины, но обессилела Русь, потеряв сплоченность и единство. «В княжих крамолах веде человеком скратишась». И потому черная земля стала посеянной костями и политою кровью.

Автор «Слова», видимо, ставил перед собой задачу рассказать о походе Игоря и кроме того объяснить причины, вызвавшие поражение. Он не только художник, но и патриот, историк, исследователь, стремящийся проникнуть в самую суть явления. Исследуя излагаемые факты, он вводит отступление от сюжетного повествования. При этом он нигде не нарушает целостности своего песнетворческого стиля. Показав ослабление Руси результатом сепаратной политики князей, автор вновь переходит к изображению событий, и страшная картина поражения Игорева войска оказывается объясненной. Рассказ о сече как бы дополняет и углубляет повествование о богатырском единоборстве Всеволода, данное перед лирическим отступлением. Аналитический метод показа событий заставляет связывать следствие с причиной. Естественным следствием гибели Игорева полка явился половецкий набег, осуществленный половедами разор и грабеж сел, городов, деревень. Рассказом о нем завершается первая часть «Слова». Набег показан не в плане перечня злодеяний врага, а через призму переживаний русского народа. В плаче жен отражены общенародные эмоции, звучит скорбь народа о гибели своих храбрых сынов. Они погибли потому, что «князи сами на себя крамолу коваху».

В «Слове», как видно, дано два параллельных ряда: конкретно-повествовательный, изображающий событие,

и аналитически-познавательный, вскрывающий причины происшедшего. Анализ событий автору «Слова» нужен не только для констатации существовавшего положения. Он необходим как основа для выводов практического порядка. К выводу из произведенного анализа автор переходит во второй части «Слова». Именно она позволила К. Марксу охарактеризовать это произведение как памятник, основной смысл которого состоит в призыве князей к единению как раз перед нашествием монголов.

Киевский князь в исторической жизни Руси XII в. уже не имел былого значения. Лишенный в действительности безоговорочной власти над прочими князьями, но связи с прошлым он все же воспринимался символом единства и могущества государства. Именно ему, этому князю, надлежало сказать золотое свое слово, которое должно было объединить волю разрозненных княжеств и направить ее против врагов, вторгшихся в пределы русской земли.

В слове киевского Святослава прозвучал страстный призыв к защите Родины. Поход против врага—дело не одной семьи Святослава, но всей Руси. Русь должна сплотиться в борьбе с врагом, она должна вспомнить о былом могуществе.

Автор «Слова» здесь вновь прибегает к лирико-героическому отступлению. Новое сопоставление прошлого и настоящего звучит скорбью о гибели прадедной славы.¹ «Слово» напоминает минувшие события, не только видя в них начало зла, но и стремясь вызвать гневное чувство в современнике, пробудить в нем желание изменить государственный строй раздробленной на княжества Руси. Показ настоящего и прошлого должен был явиться как бы материалом для проектирования будущего. «Слово о полку Игореве» — слово политика, государственного деятеля, анализирующего действительность в целях изменения ее, воплощающего свой анализ в художественных образах мирового значения.

¹ В этом отступлении речь, видимо, идет о Ярославе Всеволодовиче черниговском, умершем в 1198 г., и других князьях, потомках по духу одного из первых русских князей, Всеслава, внука Пяяслава, враждовавшего с потомками Ярослава Мудрого и творившего зло своей Родине.

В первых двух частях «Слова» автор на примере конкретного события давал исторический анализ с соответствующими политическими выводами; третьей частью он закреплял сказанное, изображая чувства и переживания народа.

Плач Ярославны, которым начинается последняя часть «Слова», как бы продолжает предшествующий абзац—заключение второй части: «О, стонати Русской земле...» Жены, оплакивающие милых чад своих, погибших в походе, сливаются с образом жены Игоря — Ярославны.

Великое горе звучит в плаче Ярославны. Но горе не пассивное. Плач Ярославны не только причитание, но и заклятье. Скорбь рождает стремление к действию. Эта активность обусловлена тем, что народ никогда не мог оставаться бездейственным в години опасностей для государства, для его культуры, его свободы. Величайшие потрясения в жизни страны народ переносил терпеливо, стойко встречая невзгоды, и находил силы противостоят им. Он не был пассивен. Восприняв поход Игоря как дело всего государства, народ был готов к борьбе. Эту-то мысль выразил автор «Слова», превратив плач Ярославны в заклятье вещей сил природы, в призыв к освобождению Игоря. И ответом на заклятье Ярославны, тоскующей и ждущей Игоря в родном городе, является его побег из плена. Побегом Игоря, отвечающим на плач Ярославны, завершён рассказ о случившемся на Руси в 1185 г. И следуя традиции песнетворцев, вновь вспоминая имя Бояна, автор «Слова» поет славу деятелям русской земли.

Игорь, Святослав, Ярославна — исторические лица. Но в «Слове» они даны поэтическим обобщением, символом переживаний, идей, поэтических настроений и задач, стоявших перед государственными деятелями Руси XII века. Они — носители народной идеи единства русской земли, русского государства и его героической борьбы с врагами, идеи, неувядаемо живущей в душе русских людей. Писатели древней Руси сумели воплотить чувства и думы народа в своих художественных произведениях. Это стало традицией древней русской литературы. Те же мысли, те же черты заключены в повестях о нашествии татар. Созданные в разобщённых княжествах XIII—XV вв., они общностью идеи и направленности свидетельствуют о единстве стремлений

русского народа даже в период, когда, в силу процесса феодализации, государство оказалось раздробленным на незначительные куски. Повести о нашествии татар должны быть сочтены произведениями общерусскими в период развития областных литератур.

Историческая основа повестей такова. В начале XIII в. среднеазиатский хан Темучин—Чингис-хан—отпустил двух своих полководцев, Джеба-Ойона и Субудай-Богадур, из прикаспийских стран воевать половецкую землю. Половцы обратились за помощью к русским князьям. На киевском съезде князья решили выступить против татар в степь. Русская рать дошла до реки Калки, где была разбита (1224 г.). Повернув назад, татары разбили камских болгар и ушли в азиатские степи.

Через 13 лет (в 1237 г.) они появились вновь. Сын и преемник Чингис-хана Огадай отправил своего племянника Батюгу, сына Джучи, покорять области между Уралом и Днепром. Батюга вел целый кочевой народ, несколько молодых ханов и старых полководцев (в числе последних был Субудай-Богадур). Татары разгромили северо-восточную Русь (Рязань, Ростов, Суздаль, Коломну, Тверь и другие города) и все Поволжье. Великий князь потерпел поражение на р. Сити (1238 г.). Полчища Батюги двинулись на Великий Новгород, но весенняя распутица преградила им путь. В 1240 г. Батюга подошел к южной Руси, опустошил Киев, вернулся в низовья Волги и осел в «Золотой орде».

Повести о нашествии татар различны по своему построению. Иногда это рассказ о переживаниях в связи с событиями (например, повесть о битве на реке Калке, см. в Лаврентьевской и 4-й Новгородской летописях); иногда они строятся как хроника трагических событий (см. повесть о приходе Батюги во Владимир); но иногда они становятся повествованиями, построенными на показе противоречий, существующих в отношениях героев, носителей общенародных черт. Такова повесть о нашествии Батюги на Рязань. В ней героические образы князя Федора, его жены Евпраксии, воина Евпатия Коловрата отображают чистоту помыслов, духовную силу русского народа; они противопоставлены образу Батюги как выразителя чуждой Руси, мрачной и враждебной ей силы.

Повесть состоит из трех самостоятельных частей и

эпилога. Первая часть—новелла со стремительным развитием действия, построенная на противопоставлении тирана Батыя подвижникам (Федору, его жене и сыну). Князь Федор послан к Батыю с дарами и просьбой великой не разорять русскую землю. Батый, услышавший от боярина-прелата о красоте жены Федора, требует ее на ложе свое и слышит резкий ответ. По приказу Батыя Федор убит. Евпраксия же, узнав о случившемся, держа сына на руках, бросается с высокого терема своего, — смерть лучше бесчестия. Кратко, но выразительно очерчены образы князя и его жены—хранителей чести русского человека.

Подвижничество русских, обреченных на гибель в неравном бою с врагами, отчетливо показано и во второй части повести, представляющей собой типическую воинскую хроникальную повесть (см. сборы Георгия Ингваревича, прощание с родными, сеча, гибель князей и воинов, разорение города и смерть горожан). Тот же мотив—лучше умереть, чем покориться врагу,—красной нитью проходит и здесь. Непримиимость к врагам, свободолюбие русского народа в наибольшей мере выявляются в третьей части повести. В ней рассказано, как дружинник Евпатий Коловрат с горстью воинов уничтожил тысячи врагов и как в бою Евпатий погиб. Отмщение за гибель родного города руководило воином, и сокрушительны были удары его. Монах записывал признание пришельцев: русские войны люди крылатые, смерти не знают, убить воина можно, но уничтожить—нельзя. Евпатий—богатырь Руси—гибнет, но сила и стойкость русских людей продолжают жить.

Повесть заключена картиной запустения рязанской земли и рассказом о восстановлении Рязани Ингварем Ингваревичем.

О русских людях—великих и в дни поражений и в дни побед—говорили создатели воинской повести. Сама жизнь заставляла рассказывать о деятелях русского государства. Мог ли народ, боровшийся за свою независимость, обойти молчанием подвиг Федора и Евпраксии? Мог ли он не рассказать об их современнике, Александре Невском? Они любили русскую землю, они служили ей и своему народу. И недаром «Житие Александра Невского» предваряется так называемым «Словом о гибели Русской земли»—памятником, воспевающим красоту, величие и богатство родной

страны. Восторженно прославление русской земли. Прославляется родина русского народа, родина героев, их матерей, жен, детей, родина Владимира Святославича, Игоря, Александра Невского и других.

Во имя народа и Родины, во имя своего государства жил и вершил великие дела князь Александр Ярославич, прозванный Невским (1220—1263). Он был князем новгородским, а с 1252 г. великим князем владимирским, он славен своими воинскими подвигами (битвами со шведами на Неве в 1240 г., с немцами на Чудском озере в 1242 г.—«Ледовое побоище» и др.) и своей миротворческой политикой в Орде, куда неоднократно ездил в интересах Родины. В 1263 г., возвращаясь из Орды, он умер в Городце на Волге.

Несомненно, о деятельности Александра Невского (в особенности о битвах 1240—1242 гг.) существовали устные легенды, наиболее популярные в Новгородско-Псковской и Владимирской землях. На основании их и личных воспоминаний об этом князе вскоре после его смерти некто, чье имя осталось неизвестным, написал повесть об его жизни и деятельности. Эту повесть, не дошедшую до нас, но реконструируемую по другим памятникам, можно было бы назвать светской биографией князя. Она была связана с оригинальными и переработанными произведениями русской литературы, обнаруживая значительную начитанность автора. Уже в этой повести, как можно предполагать, Александр Невский сопоставлялся с Александром Македонским, Ахиллесом, Дигенисом Акритом и другими прославленными литературой героями. Схема ее, видимо, во многом предвосхищала дошедшее до нас «Житие». Вначале шла слава имени Александра Невского, затем говорилось, как король «Римской страны» задумал победить русского князя и пленить Новгород. Далее следовали описания победы Александра на Неве и «Ледового побоища». И «главна стала земля страхом грозы его и храбрости его». Повесть отмечала не только воинские подвиги князя, но и христианские добродетели его (почитал духовенство, был щедр на милостыню, держал справедливый суд и т. п.) и его миротворческую политику (собирал в города разбежавшихся жителей, восстанавливал города и церкви, избавлял русских от бед, напастей, плена).

Народ ценил в Александре Невском крупного государственного деятеля, и церковь, видя его популярность

и славу, осмыслила его образ как русского национального святого. С стремлением канонизировать Александра Невского связано создание его «Жития», возникшего на основе «повести», устных легенд и мотивов житийной литературы. Судя по характеру «Жития», автором его был дружинник, принявший монашеский чин, человек начитанный в светской и духовной литературе. Он широко использовал библию (книги премудрости и притч Соломона, псалтырь, паралипоменон, книгу царств, пророка Исайи),¹ использовал «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия,² Сказание о Борисе и Глебе и другие произведения. Военская повесть из жизни Александра Невского в обработке писателя духовного чина восприняла черты агнографической литературы. В светское повествование были внесены рассказы о рождении героя от благочестивых родителей, о видениях — предвещаниях победы в бою, о помощи ангела господня, о чудесном принятии рукой умершего Александра грамоты и т. п. Но при всем том переработка повести в житие не нарушала основных черт произведения. Основная жизненная тема Руси XIII в. — борьба с врагами и упорное строительство русского государства — подчиняла себе различные жанры литературы. Не только летописное сказание и военская повесть, но и житие использовалось для пропаганды мысли о народном единстве в борьбе с врагом. Та же единая целеустремленность жанров древней русской литературы обнаруживается при описаниях других важнейших событий истории. В повести, летописи и в житии рассказано, например, о битве на Дону, на усть-реке Непрядва, на Куликовом поле, в субботу 8 сентября 1380 г. Мамаево побоище было событием первостепенного значения в истории Руси. Впервые был нанесен сильный удар татарам. Это была победа, возвещавшая освобождение от длившегося уже 150 лет татарского ига, победа, укреплявшая руководящую роль московского князя.

Битве на Куликовом поле посвящены разные памятники литературы. О ней сообщают летописная повесть,

¹ Ср. цитаты из этих книг, сравнение воинов Александра со львами, похвалу Александру Невскому и пр.

² Упоминание о подвиге Веспасиана, единолично разогнавшего вылазку горожан Истонаты, подробности о подвигах шести воинов во время Невского боя и пр.

четыре редакции «Сказания», житие Дмитрия Донского и «Поведание» («Задонщина»). Все эти памятники явились живыми отзвуками события. Уже в конце XIV в. возникла летописная повесть.¹ В ней исторические данные заимствованы из Синодика, где перечислены убитые в бою князья, бояре, воеводы нарочитые. Около XV в. краткая летописная повесть была расширена библейской риторикой, но все же сохраняла черты исторического документа. Первая редакция «Сказания» была создана во второй четверти XV века. Основанная на летописной повести, она акцентировала роль духовенства в борьбе с татарами, являлась агитационным произведением церковников. Последующие редакции «Сказания» меняют церковную ориентацию. «Задонщина» также провозгласила живым отголоском события.

37106
Такое обилие памятников, посвященных Мамаеву побоищу, говорит об осознании его современниками как события огромной государственной важности. Наиболее значительна среди названных произведений «Задонщина», иначе «Сказание, писанное Софония старца, рязанца». Она дошла до нас в дефектных текстах; памятник был реконструирован на основе дошедших списков.²

«Задонщина» по своему тексту тесно связана со «Словом о полку Игореве». Такая связь закономерна. Для повести о победе русских войск над татарами была использована форма гениального произведения о поражении русских перед нашествием монголов. Это не было простой перелицовкой старого произведения. «Задонщина» — повесть о поражении Мамаея — творчески переосмыслила образы «Слова». Переосмысление было вызвано гражданским пафосом русского человека, увидевшего возможность реализации мечты об освобождении от вражеского ига. Вот почему плач жён по ладам (см. «Слова») здесь превратился в вопли разбитых в бою татар, печальный рассказ о полях, покрытых костями павших русских, — в торжествующее повествование о гибели вражеских полчищ и т. д. и т. д. (см. переводы памятников).

¹ Встречается в летописях первой четверти XV в.

² В печатаемом сборнике перевод дан по тексту, реконструированному проф. С. К. Шамбинаго.

Произведение Киевской Руси дало основу для московской повести. Образы его локализовались, география стала характеризовать особенности местностей крепнущей северо-восточной Руси. Соответственно истории изменилась и композиция памятника. Была нарушена трехчастность «Слова». «Задонщина» слагается из двух частей: Похвалы Дмитрию Донскому (кончается первым моментом боя, когда татары начали одолевать) и Похвалы Владимиру Андреевичу серпуховскому (начинается выходом засадного полка Владимира Андреевича).

Сравнивая композиционный состав «Задонщины» и «Слова», легко можно заметить, что при переработке была изъята вторая часть памятника, не было переработано «Золотое слово» Святослава. Страстный призыв киевского князя в пору Дмитрия Донского не имел уже такого большого значения, как раньше. «Задонщина» имела иное идейное наполнение, чем «Слово». Великий князь заступил место удельного князя Игоря, идея единства князей слилась с идеей единства земли, и эпизод, соответствующий призыву киевского Святослава, потерял свою необходимость.

Русь вступала в новую полосу развития. Создавалось, крепло могущественное Московское княжество. Оно должно было перерасти в единое государство, которое, уже в пору Грозного, могло противостоять вражеским силам, поднимающимся извне и внутри страны. Московская Русь должна была уничтожить господство иноземцев и высоко поднять величественную русскую культуру. Это предвещали и летописи и повести XIII—XV вв. Памятники древней русской литературы, рожденные с созданием государства, сохранились как произведения, полные волнующего трепета мыслей, страстей, патристического пафоса. Как всякое искусство, литература была замечательным орудием агитации и пропаганды, помогала в борьбе, суммировала и отражала настроения и искания русского народа, организовывала мысль и устремления людей, сплачивала их, вдохновляла на подвиги. Особые пути развития русского государства, особые черты русского народа давали ей неповторимую специфику, и в то же время она оставалась типичной литературой европейского средневековья. С первых же шагов жизни русский народ стал участником в общем процессе создания мировой культуры, и это его участие не раз оказывало решающее воздействие на культур-

ную жизнь других европейских народов. Русские создали многочисленные памятники культуры, и среди них наша древняя литература занимает видное место. В творчестве русского народа полностью выразились присущие ему национальные черты — черты, указанные И. В. Сталиным: «ясный ум, стойкий характер и терпение».¹

Свойства народа выковываются веками. Современный русский человек видит свои черты в образах героев прошлой истории, героев, так часто воспевавшихся литературой. Люди прошлых веков делаются нашими вечными спутниками. Они зовут к новым победам, они воскресают в героике борьбы и буднях строительства

В. Утчеров.

¹ Выступление товарища И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии. «Правда» от 25 мая 1945 г.

ПРИТЧА ОБ ОБРАХ

(XI век)

а славянском языке
Говорит предание:

Жили обры на Дунае,
Как передают болгаре,
Были родственные скифам,
А иные говорят —
Были родственны хозарам,
И осели на Дунае,
И насилия славянам
Разные чинили.

А затем на эти земли
Приходили угры белые;
Захватив землю Славянскую,

Прогнали волхвов-кудесников,
Про которых много былей
Было сложено в народе
На земле Славянской.

И известны были угры
При Ираклии царе,
Нападали на Хоздроя,
На персидского царя.

В то же время стародавнее
Появились и обры,
Воевали они храбро
С Ираклием царем,
И своей военной силой
Его мало не побили.

В то же время эти обры
Воевали со славянами,
Перемучили дулебов,
Племя сущее славян,
И насилия творили
Над женами дулебскими.

Если выехать захочет
Обрни в поле иль к соседям,
Не велит впрягать в телегу
Ни коня он, ни вола,
Он велит впрягать в телегу
Три ль, четыре или пять
Жен дулебских,
И они возили обров.
И так мучили дулебов.

Были ж обры умом горды
И дородного сложенья,
Разоряли веси-села,
Разоряли города,
Перемучили дулебов,
Племя сущее славян,
И богов они не чтили,
И погибли все они.
Не осталось в живых
Ни единого обрина.

И есть притча на Руси —
До сего дня говорят
О мучителях поганых:
«Погибнете, как и обры,
Нет их ни племени,
Ни наследства».

Перевод В. Васильева

СКАЗАНИЕ О КОЖЕМЯКЕ

(XI век)

а реке на Суле стояли печенеги. . .
Шел Владимир сокрушать врагов,
Стан раскинул князь на переправе,
Там, где ныне град Переяславль.

Так стояли друг супротив друга
Русский стан и печенежский стан,
Печенежский князь к реке подьехал, —
Кликнул он Владимира, сказав:

«Пусть решится бой единоборством,
Мужа шлю — я вышлю своего;
Пусть сразится русский с печенегом.
Если русский будет побежден,
Будем воевать с тобой три года, —
Печенег сражен — три года мир».

Князь Владимир в стан свой возвратился,
Биричей послал во все концы,
Ратоборцев сильных призывая:
«Нет ли среди вас такого мужа,
Чтоб сразиться с печенегом мог?»

День прошел — никто не отозвался...
Печенеги ждут на берегу...
Загрустил тогда наш князь Владимир...

И приходит к князю старый воин:
«С четырьмя сынами вышел в сечу,
Пятый, меньший сын, остался дома.
Сын мой сильный! С детства не бывало,
Чтоб его осилили в борьбе,
Кожу сыромятную руками,
Рассердись, не раз он разрывал».

Рад был этой вести князь Владимир,
И людей за отроком послал...
Скоро в стан Владимира он прибыл,
И ему великий князь поведал
О единоборстве с печенегом.

И Владимиру ответил отрок:
«Совладаю ль с печенегом я?
Испытать вели мою, князь, силу,
Пусть найдут могучего быка»...

Вот нашли тогда быка большого,
Порешили разъярить его;
На спину горячее железо
Положили сильному быку.

Побежал, ярьсь, тот бык огромный,
Но за бок проворною рукой

Ухватил его могучий отрок,
Вырвал кожу с мясом у быка.
И сказал Владимир:
«Ты осилить можешь!»

Вновь поутру вышли печенеги,
В ратоборство вышли мужа звать...

Час приспел, и ратоборцы вышли...
Был огромен ростом печенег...
Засмеялся печенег, увидя
Отрока, несильного на вид.

Вот, размерив место, меж полками
Ратоборды стали у Сулы...
И схватился русский с печенегом,
Крепко сжал надменного врага...
Удавил до смерти печенега
И ударил о землю потом...
Крикнул он, и сразу печенеги
Побежали в страхе от Сулы...

Русь за ними — гнали и секли их,
И прогнали вовсе от реки...
Рад победе славной князь Владимир, —
Город заложил он на Суле...
И назвал его Переяславлем
В знак того, что нереял здесь славу
Русский отрок над рекой Сулой...

И великим мужем Кожемяка
С той поры в дружине княжьей стал...

СКАЗАНИЕ О БЕЛОГОРОДСКОМ КИСЕЛЕ

(XI век)

Володимир шел к Новгороду
Чтоб войска собрать в верховьи
Днепра
Для войны большой с печенегами...

Обложили враги землю Русскую,
Окружили кострами Белгород.
День и ночь полыхает полымя...
Печенегов сила несметная
У стен города встала лагерь.

Дни проходят, недели множатся...
Не идет Володимир с подмогою...
Не уходят враги от крепости,
Держат зорко осаду лютую.

Голод стал тут людей косить.
Гибнут жены и дети и воины,
А в пустых закромах ни зернышка...

Собралось тогда вече народное.
Стал народ думать думу великую,
Как беду избыть окаинную.

И одни говорили: «Братия,
Не хотим помирать от голода,
Не хотим погибать в осаждении.
Уж не лучше ль нам уходить в полон?..
Враг кого умертвит, а кого помилует,
Мы и так умираем от голода».
Другие молчали в раздумьи.

И был старец один в Белогороде,
Не попал он на вече народное,
Стал людей городских расспрашивать:

«Что решили на вече, люди добрые?»
Тут узнал он про речи мерзкие,
И про сборы в полон печенежский...
И велел он послать за старейшинами,
И спросил их, разгневавшись:
«Слышал я, что в полон собираетесь?»
Отвечали ему старейшины:
«Не стерпеть нашим людям голода...»

Держит старец им слово мудрое:
«Не идите в полон вы еще три дня,
Сотворите то, что велю я вам».

Обещали старейшины слушаться.

И народу сказал: «Люди добрые,

Соберите по горсти остатней вы
В рундуках-закромах овса пыльного
Иль пшеницы, или отрубей,
И сюда принесите, не мешкая.
Как сказал он всем, — так и сделали.

Повелел тогда старец женщинам
Сотворить с той муки цежь-раствор,
Из которого кисель варится...

А мужам повелел он колодец рыть,
И поставить в него кадь тесовую,
Наливать туда все, что сварено...

И другой повелел он колодец рыть,
Ставить там кадь вторую тесовую.
А иных послал сладкий мед искать...
Взяли в руки лукошки старейшины,
И пошли во медуши княжеские,
Разыскали там ярый мед,
Наливали его в кадь широкую...

А на утро, поднявшись с зоренькой,
Велел старец посольство слать
К печенежским поганым полчищам.

Вот пошли к печенегам посольные,
Речь держали пред ними искусную:
«Вы возьмите у нас заложников,
От себя же пошлите в Белогород
Десять ваших послов мудрейших,
Пусть посмотрят, что дается в городе»...

Печенежский князь тут возрадовался,
Возомнил себя победителем,

Взял у русских талей-заложников,
Сам избрал десять лучших мужей
Из родов своих наизнатнейших
И послал их к воротам крепости...

И пошли печенеги в Белогород,
Здесь сказали им люди русские:
«Вы почто, печенеги перазумные,
У стен крепости себя губите,
Коль не можете пересилить нас?
Не возьмете вы нас осадю,
Не ослаите лютым голодом,
Не сдадим мы вам нашей крепости.
От земли самой мы имеем еду,
Кормит нас земляная съять...
Если ж нам вы сейчас не верите,
Поглядите, чем мы питаемся,
Нищи нашей сами отведайте».

Здесь послов повели к ямам вырытым...
Подвели к колодцу кисельному,
Почерпнули ведром цезь медовую,
Налили ее в лоток глиняный:
Сами ели, гостей потчевали.

Подивились послы печенежские
И сказали народу русскому:
«Не поверят нам в князьем лагере,
Если сами кисель не испробуют»...

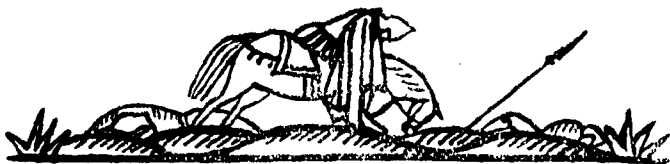
Наливали послам тут корчагу-горшок
Меду вареного, киселя медового...
И пошли послы печенежские
К князьям своим и поведали,
Чем кормили их русские в городе,

И про чудо, что видели, дивное, —
Как питаются люди русские,
Как их кормит сама земля-матушка...

Испугались князья печенежские,
Отпустили талей-заложников,
Порешили осаду снять крепости...

Поднялся тут весь лагерь вражеский,
Пыль до неба взлетела облаком,
Уходить стало войско от города
Восвояси, в стены далекие...

Перевод Д. Левопеското

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОДЕГОВА

(Конец XII века)

е подобает ли нам, братья,
Начать старыми словами
Ратную повесть
О походе Игоревои,
Игоря Святославича?
Начнем же ту песнь
По былям нашего времени,
А не по замышлению Боянову.
Боян-то вещий,
Коли хотел кому неснь творить,
То носился мыслию но древу,
Серым волком по земле,
Сизым орлом под облаками, —
Помнил он, молвят,
Прежних времен походы.
Тогда выпускал он
Десять соколов на стадо лебедей.

Которую сокол настигал,
Та первая песню пела
Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу,
Что зарезал Редедю
Пред полками касожскими,
Пригожему Роману Святославичу.
Боян-то, братья,
Не десять соколов
Пускал на стадо лебединое,
Но свои вещие персты
Возлагал на живые струны,
Они же князьям сами
Славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть сию
От старого Владимира
До нынешнего Игоря,
Что напруг ум силою своею
И изострил сердце свое мужеством:
Исполнившись ратного духа,
Навел свои храбрые полки
На землю Половецкую
За землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнц
И увидел — тьмой от него
Все его войско прикрыто.
И сказал Игорь дружине своей:
«Братья и дружина!
Лучше зарубленным быть,
Чем полоненным быть.
Сядем же, братья,
На своих борзых коней —

Да поглядим на синий Дон!»
Ратный пыл охватил князев ум,
И жажда отведать Дона великого
Знаменне ему заступила.
«Хочу, — молвил, — копье преломить
В конце поля Половецкого;
С вами, русичи,
Хочу голову свою сложить,
Либо напиться шеломом из Дона!»

О, Боян, соловей старого времени!
Кабы ты эти полки воспел,
Скача, соловей, по мысленному
древу,

Летая умом под облаками,
Свивая славу вокруг сего времени!
Рыща тропой Трояновой,
Чрез поля на горы,
Так бы петь песнь Игорю,
Того внуку:

«Не буря сдолов занесла чрез поля
широкие,

Галочки стада бегут к Дону великому».

Или так бы запеть, вещий Боян,

Велесов внук:

«Кони ржут за Сулдю,
Звенит слава в Киеве».

Трубы трубят в Новгороде,
Стоят стяги в Путивле;
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй-тур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый ты, Игорь!
Оба мы — Святославичи.

Седлай, брат, своих борзых коней,
А мои ведь готовы,
Оседланы у Курска напередь.
А мои-то курыне —
Испытанные воины:
Под трубами повиты,
Под шеломами взмелеяны,
Концом копья вскормлены;
Пути им ведомы,
Овраги им знакомы,
Луки у них натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли отточены,
Сами скачут,
Как серые волки в поле,
Ища себе чести,
А князю славы».

Тогда вступил Игорь князь
В золотое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заграждало
Ночь стонала ему грозою, —
Птиц разбудила;
Поднялся свист звериный;
Див кличет на вершине древа,
Велит послушать земле неизвестной
Волге, и Поморию, и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, Тьмутараканский болван!
А половцы веторенными дорогами
Побежали к Дону великому;
Кричат телеги в полуночи,
Словно лебеди распуганные.
Игорь воинов к Дону ведет.

А уже беды его стерегут птицы
по дубравам;
Волки воем грозу накликают по оврагам;
Орлы клетотом на кости зверя зовут;
Лисицы брешут на червленые щиты.
О, Русская земля,
Уже за холмами ты!

Долго ночь меркнет.
Свет зарей занялся.
Мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный умолк;
Галочий говор пробудился.
Русичи широкие поля
Червлеными щитами перегородили,
Ища себе чести,
А князю славы.

Ранним утром в пятницу
Они потоптали погапые полки половецкие
И разлетелись стрелами по полю,
Помчали красных девок половецких,
А с ними злато и атласы
И дорогие аксамиты.
Плащами, покрывалами и кожухами
Начали мосты мостить
По болотам и топким местам,
И всякими узбóрчьями половецкими.
Червленный стяг, белая хоругвь,
Червленая чолка, серебряный жезл —
Храброму Святославичу!

Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо:
Далече залетело!
Не было оно на обиду рожденó

Ни соколу, ни кречету,
Ни тебе, черный ворон,
Поганый половчанин!
Гзак бежит серым волком,
Кончак¹ путь ему кажет
К Дону великому.

На другой день поутру рано
Кровавые зори свет возвещают.
Черные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца, —
А в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Итти дождю стрелами
С Дона великого!
Тут копьям преломиться,
Тут саблям пощербиться о шелома
половецкие,

На реке на Каяле,
У Дона великого.
О, Русская земля,
Уже за курганом ты!

Вот ветры, Стрибожьи внуки,
Веют с моря стрелами
На храбрые полки Игоревы.
Земля гудит, реки мутно текут;
Пыль поля покрывает;
Стяги шумят.
Половцы идут от Дона и от моря
И со всех сторон русские полки
обступили.

¹ Половецкие ханы.

Дети бесовы
Кликом поля перегородили,
А храбрые русичи
Перегородили червлёными щитами.

Яр-тур Всеволод!
Стоишь на поле брани,
Прыщешь на воинов стрелами,
Гремишь о шеломы мечами харалужными.
Куда он, тур, ни поскачет,
Своим золотым шеломом посвечивал,
Там и лежат поганые
Головы половецкие;
Рассечены саблями калеными
Шеломы аварские
Тобою, яр-тур Всеволод!
Что ему рана, братья,
Когда забыл он почести и богатство,
И город Чернигов,
И отчий златой престол,
И милой жены своей,
Прекрасной Глебовны,
Свычай и обычай?!

Были века Трояновы,
Миновали годы Ярославовы;
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
И стрелы по земле сеял.
Вступает он в золотое стремя
В городе Тьмутаракани;
Звон же тот слышал
Давний великий Ярославов сын Всеволод,
А Владимир

Всякое утро затыкал себе уши
в Чернигове.

Бориса же Вячеславича,
Храброго и молодого князя,
Похвальба на суд привела
И на Канине
Зеленое ложе постлала
За обиду Олегову.
С той же Каялы
Святополк повез отца своего
Меж угорскими иноходцами
Ко святой Софии в Киев.
Тогда при Олеге Гориславиче
Засевалось и порастало усобицами, —
Погибало добро Дажьбожьего внука,
В княжьих крамолах
Век человеческий сокращался.
Тогда по Русской земле
Редко пахари покрякивали,
Но часто вóроны каркали,
Трупы дея меж собою,
А галки вели свои речи,
Собираясь лететь на прокорм.
То было в те бои
И в те походы,
А такого боя не слыхано!

С рассвета до вечера,
С вечера до света
Летят стрелы каленые,
Гремят сабли о шеломы,
Трещат копыя харалужные
В поле неизвестном
Среди земли Половецкой.
Черна́ земля под копытами

Костями была засеяна,
А кровию полита;
Горем взошли они по Русской земле!

Что мне шумит, что мне звенит
Издалёка рано пред збрями?
Игорь полки поворачивает:
Жаль ему милого брата Всеволода.
Бились день, бились другой;
На третий день к полудню
Пали стяги Игоревы.
Тут братья разлучились
У берега быстрой Каялы.
Тут кровавого вина не достало;
Тут пир dokonчили храбрые русичи:
Сватов напоили,
А сами полегли
За землю Русскую.
Никнет трава с жалости,
А древо с печали
К земле приклонилось.

Уж невеселая, братья,
Година настала;
Уже Пустыня силу прикрыла!
Встала Обида в силах Дажьбожьего
внука,
Вступила девою на землю Троянову,
Заплескала лебедиными крыльями
На синем море у Дона;
Плещучи,
Прогнала обильные времена.
Походы князей на поганых затихли,
Ибо говорил брат брату:
«Вот мое, а то—мое же!»

И начали князя про малое
«Вот великое» молвить,
А сами на себя крамолу ковать;
А поганые со всех сторон
Приходили е победями
На землю Русскую.
О, далекó залетел сокол,
Птиц гоня к морю!
А Игорева храброго полка
Не воскресить!
Но нем кликнула Карна,
И Жля поскакала по Русской земле,
Жар неся погребальный в пламенном роге.
Жены русские восплакались,
Причитая:
«Уж нам своих милых лад
Ни мыслию помыслить,
Ни думою вздумать,
Ни очами увидать;
А златом и серебром подавно не
позвенеть».

И застонал уже, братья,
Киев с горя,
А Чернигов с напасти.
Тоска разлилась по Русской земле,
Печаль обильная потекла
Среди земли Русской.
А князя сами на себя крамолу ковали,
А поганые,
С победями рыская по Русской земле,
Брали дань по белке со двора.

Те ведь два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод,

Уже нечисть разбудили усобицей.
Ее усыпил было
Отец их Святослав грозный,
Великий Киевский,
Грозою;
Устрашил было
Своими сильными полками
И булатными мечами;
Наступил на землю Половецкую;
Притоптал холмы и овраги,
Замутил реки и озера,
Иссушил потоки и болота.
А поганого Кобяка
Из лукоморья,
Из железных великих полков половецких,
Словно вихрь, выхватил:
И пал Кобяк в граде Киеве,
В гриднице Святославовой.
Тут немцы и вenedичи,
Тут греки и моравы
Поют славу Святославову,
Корят князя Игоря,
Что добро погрузил
На дно Каялы,
Реки половецкой.
Русского злата насыпали.
Тут Игорь князь
Пересел из золотого седла
Да в седло невольничье.
Приуныли по градам забрала,
А веселие поникло.

А Святослав смутный сон видел
В Киеве на горах.
«Эту ночь с вечера

Одевали меня, — говорил, —
Черным покрывалом
На кровати тисовой,
Черпали мне синее вино,
С горем смешанное;
Сыпали мне из пустых колчанов
Чужеземцев поганых
Крупный жемчуг на грудь
И ублажали меня.
Уже доски без князька
На моем тереме златоверхом!
Всю ночь с вечера
Серые вороны каркали
У Плеснеска на лугу,
Били они из дебрей Кисани
И неслися к синему морю».

И сказали бояре князю:
«Уже, князь, горе
Умом завладело:
Вот два сокола слетели
С отчего золотого престола
Поискать града Тьмутаракани,
Либо напиться шеломом из Дона.
Уже соколам крылья подрезали
Половцев саблями
И оцутали соколов
Силками железными.
Ибо темно стало в третий день:
Два солнца померкли;
Оба багряные столпа погасли
И с ними два молодые месяца,
Олег и Святослав,
Тьмою заволоклися
И в море погрузились,

И великое буйство погамых разбудили.
На реке на Каяле тьма свет покрыла;
На Русскую землю ринулись половцы,
Словно барсово гнездо.
Уже пало бесчестье на славу.
Уже ударило насилье на волю,
Уже бросился Див на землю.
Вот уже готские красные девы
Запели у берега синего моря,
Звеня русским золотом;
Поют время Бусово,
Лелеют мечь Шаруканову.
А мы уж, дружина,
Лишились веселья».

Тогда великий Святослав
Изронил злато слово,
Со слезами смешанное,
И сказал: «О, мои сыновцы,
Игорь и Всеволод!
Рано вы начали
Половецкую землю мечами губить,
А себе славы искать;
Но не с честью побились,
Не с честью ведь кровь поганую
проливали.

Ваши храбрые сердца
Из крепкого харалуга скованы,
А в смелости закалены.
То ли сотворили
Моей серебряной седине!
А уж не выждали вы
Сильного и богатого
И многоратного брата моего
Ярослава

С черниговскими боярами,
С воеводами и с татранами
С шельбирами и с топчакками,
С ревугами и с ольберами:
Те вель без щитов,
С ножами засапожными,
Кликом полки побеждают,
Звоня в прадедову славу.
Но сказали:
«Поратуем сами,
Грядущею славою одни завладеем,
А прежнюю сами поделим!»
А диво ли, братья,
Старому помолодеть?
Когда сокол в мыте бывает,
Высоко птицъ взбивает,
Не даст гнезда своего в обиду.
Но вот зло: князья мене не в помощьъ.
На худое времена обратились!
Вот в Римове кричат
Под саблями половецкими,
А Владимир ранами покрыт, —
Горе и тоска сыну Глебову!

Великий князь Всеволод!
Не в мыслях одних
Прилететь бы тебе издалёка
Отчий престол золотой поберець!
Ты вель можешь Волгу
Веслами раскропить,
А Дон шеломами вычерпнуть!
Если бы ты был,
То рабыня была б по ногате,
А раб по резане!
Ты вель можешь

Пóсуху живыми стрелами стрелять,
Удалými сынами Глебовыми!

Ты, буй Рюрик и Давид!
Не у вас ли золоченые шеломы
По крови плавали?
Не у вас ли храбрая дружина
Рыкает, словно туры,
Раненные саблями каменными
В поле незнаемом?
Вступите, государи,
В златые стремяна
За обиду сего времени,
За землю Русскую,
За раны Игоревы,
Удалого Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высо́ко сидишь на своем
Златокованном престоле,
Подперев горы ўгорские
Своими железными полками,
Загородив путь королю,
Затворив Дунаю ворота,
Метая клади под облака,
Суды рядя до Дуная.
Грозы твои по землям текут;
Отворяешь Киеву врата;
Стреляешь с бтчего золотого престола
В султанов за землями.
Стреляй, государь, в Кончакà,
В кочевника поганого,
За землю Русскую,
За раны Игоревы,
Удалого Святославича!

А ты, буй Роман и Мстислав!
Храбрая мысль носит ваш дух на дело.
Высоко паришь ты на дело в буести,
Словно сокол на ветрах ширяясь,
Стремясь птицу в буйстве одолеть.
Есть ведѣ у вас железные панцыри
Под шеломами латинскими.
От них дрогнула земля
И многие страны:
Хиновѣ, Литва,
Ятвяги, Деремѣла и половцы
Копья свои побросали,
А головы свои преклонили
Под те мечи харалужные.
Но уже, князь, для Игоря
Померк солнца свет,
А древо не к добру сронило листву!
По Рѣси и Сулѣ города поделили.
А Игорева храброго полка
Не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет
И зовѣт князей на победу.
Ольговичи, храбрые князья,
Поспешили на брань!

Игорь и Всеволод
И все трое Мстиславичей,
Не худого гнезда шестикрыльцы!
Вы не жребном ратным
Себе волости добыли!
К чему ж ваши златые шелома
И копия ляшские и щиты?
Загородите Полю ворота
Своими острыми стрелами
За землю Русскую,

За раны Игоревы,
Удалого Святославича!»

Уже ведь Сула не течет
Серебряными струями
Ко граду Переяславлю,
И Двина болотом течет
К тем грозным полочанам
Под клики поганых.
Один лишь Изяслав, сын Васильков,
Позвенел своими острыми мечами
О шеломах литовские,
Поласкал славу
Деда своего Всеслава,
А сам под червлеными щитами
На кровавой траве
Приласкан литовскими мечами,
И, с суженою обручась, молвил:
«Дружину твою, князь,
Птицы крыльями придели,
А звери кровь полизали!»
Не было тут брата, Брючислава,
Ни другого Всеслава;
Один изронил он жемчужную душу
Из храброго тела
Через златое ожерелье.
Приуныли голоса,
Поникло веселье,
Трубы не трубят городенские.

Ярослав и все внуки Всеславовы!
Уже склоните знамена свои,
Сложите свои мечи шербатые,
Уже выпали вы из дедовой славы!
Вы ведь своими крамолами

Начали наводить поганых
На землю Русскую,
На добро Всеславово:
Из-за раздоров пришло ведь насилье
От земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна
Кинул Всеслав жребий
О дѣвице ему любой.
Он, лукавством подпершись,
Сел на коня
И скакнул к граду Киеву
И коснулся жезлом
Золотого престола Киевского;
Скакнул, таясь, лютым зверем
В полночь из Белгорода—
И скрылся в синей мгле;
Утром же секиры вонзил,
Отворил ворота Новгороду,
Расшиб славу Ярослава,
Скакнул волком до Немиги из Дудуток.

На Немиге снопами стелют головы,
Молотят цепами харалужными,
На току жизнь кладут,
Веют душу от тела.
Немиги кровавые берега
Не добром были засеяны,
Засеяны костями русских сынов.

Всеслав князь людей судил,
Князьям города рядил,
А сам в ночи волком рыскал:
Из Киева дорыскивал
До петухов в Тьмутаракань;

Великому Хорсу
Волком путь нерерыскивал.
Ему в Полоцке позвонили к заутрене
рано

У святой Софии в колокола,
А он в Киеве звон слышал.

Хоть и вещая душа
В храбром теле, —
Но часто от бед страдал.
Ему вещей Боян
Еще встарь припевку, разумный, сказал:
«Ни хитрому, ни гораздому,
Ни по птице гораздому
Суда божьего не миновать!»

О! стонать Русской земле,
Вспоминая прежнюю годину
И прежних князей!
Того старого Владимира
Нельзя было пригвоздить
К горам киевским.
А ныне его стяги
Стали Рюриковы,
А другие Давидовы;
Но врозь у них полотнища веют,
Порознь конья поют.

На Дунае Ярославнии голос слышится,
Кукушкой безвестной рано кличет.

«Полечу, — молвит, — кукушкой по Дунаю
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Отру князю кровавые его раны
На могучем его теле!»

Ярославна рано плачет
В Путивле, на забрале, причитая:

«О, ветер-ветрило!
Зачем, господин мой, так буйно веешь?
Зачем несешь вражеские стрелы
На своих легких крыльях
На моего лады воинов?
Мало ли тебе было
Высоко под облаками веять,
Лелея корабли на синем море?
Зачем, господин, мое веселие
По ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет
В Путивле городе, на забрале, причитая:

«О, Днепр Словутич!
Ты пробил каменные горы
Сквозь землю Половецкую;
Ты лелеял на себе ладьи Святославовы
До полка Кобякова:
Возлелей, господин,
Моего ладу ко мне,
Чтоб не слала к нему слез
На море рано».

Ярославна рано плачет
В Путивле, на забрале, причитая:

«Светлое и тресветлое Солнце!
Для всех ты красно и тепло!
Зачем, господин, простерло
Горячие свои лучи

На воинов лады,
В поле безводном
Жаждой им луки согнуло,
Истомой им колчаны закрыло?»

Всплеснулось море полночью;
Идут смерчи мглою.
Игорю князю бог путь кажет
Из земли Половецкой
В землю Русскую,
К отчему золотому престолу.
Погасли вечером зори.
Игорь спит. Игорь бдит.
Игорь мыслью поля мерит
От великого Дона
До малого Донца.
Коня полночью
Овлур свистнул за рекою;
Велит князю разуместь.
«Князю Игорю не быть!» —

кликнул:

Загудела земля,
Зашумела трава,
Шатры половецкие всколыхнулись.
А Игорь князь поскакал
Горностаем к тростнику
И белым гоголем на воду.
Вскинулся на борзого коня,
Соскочил с него серым волком
И побежал к лугу Донца
И полетел соколом под туманами,
Избивая гусей и лебедей
К завтраку, и обеду, и ужину.
Когда Игорь соколом полетел,
Тогда Овлур волком побежал,

Отрясая студеную росу:
Притомили своих борзых коней!

Донец сказал: «Князь Игорь!
Не мало тебе величия,
А Кбнчаку́ сокрушения,
А Русской земле веселия!»

Игорь сказал: «О, Донец!
Не мало тебе величия,
Делеявшему князя на волнах,
Славшему ему зеленú траву
На своих серебряных берегах,
Одевавшему его теплою мглою
Под сенью зеленого древа;
Стерег ты его гоголем на воде,
Чайками на стру́ях,
Чёрнетями на ветрах».
Не такова, говорят, река Стугна:
Скудную струю имел,
Пожрав чужие ручьи и воды,
Расширься к устью,
Юношу князя Ростислава
Прикрыла она на дне
Днепра темного берега.
Плачет мать Ростиславова
По юноше князе Ростиславе.
Приуныли цветы с жалости,
А древо с печали
К земле приклонилось.

А не сороки застрекотали:
По следу Игореву
Едут Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не каркали,

Галки приумолкли,
Сороки не стрекотали,
Поползни ползали только;
Дятлы стуком
Путь к реке кажут,
Соловьи веселыми песнями
Свет возвещают.

Молвит Гзак Кончаку:
«Коли сокол ко гнезду летит,
Соколёнка расстреляем
Своими золочеными стрелами».
Говорит Кончак Гзаку:
«Коли сокол ко гнезду летит,
Опутаем мы соколенка
Красною девицею».
И сказал Гзак Кончаку:
«Коли его опутаем красною девицею,
Не будет и красной девицы,
А почнут нас птицы бить
В поле Половецком».

Молвил Боян
О походах Святославовых,
Песнотворец старото времени, —
Ярославова, Олегова, Коганова:
«Тяжко тебе, голове, без плеч,
Зло и телу без головы,
Русской земле без Игоря».

Солнце светится на небесах;
Игорь князь в Русской земле.
Девицы поют на Дунае,
Вьются голоса через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву

Ко святой Богородице Пирогощей.
Страны рады,
Грады веселы.

Спевши песню старым князьям,
Молодым подобает петь:
Слава Игорю Святославичу,
Буй-туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу.
Здравы князи и дружина,
Что встают за христиан
На поганые полки!
Князьям слава и дружине!
Аминь.

Перевод В. Стеллецкого

ПОВЕСТЬ О ПРИХОДЕ БАТЫЯ НА РЯЗАНЬ, О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ И КНЯЗЕ ИГОРЕ ИГОРЕВИЧЕ

(XIII век)

лето шесть тысяч семьсот сорок
пятое,¹

Во второе десятилетие

по принесении

Чудотворного образа Николаина из Корсуня,
Пришел безбожный царь Батый
На Русскую землю со многими
Отрядами войска татарского,
И стал на реке на Воронеже
Близ Рязанской земли станом

воинским.

И прислал в Рязань к князю великому
Рязанскому князю Юрию Игоревичу
Послов бездельников,

¹ То есть в 1237 году нашей эры.

Прося дань со всех десятинную —
Со князей, и со всяких людей, и с коней.

И услышал рязанский князь,
Великий князь Юрий Игоревич,
Про приход безбожного царя Батия.
И вскоре послал во Владимир град
К владимирскому благоверному
Великому князю Георгию Всеволодовичу,
Прося помощи у него на неверного,
На безбожного царя Батия:
Или сам бы пришел,
Иль бы войск прислал.

Князь великий владимирский
Георгий Всеволодович и сам не пошел
И на помощь войска не послал,
Хотел сам собой сотворить он брань
С Батыем.

И услышал великий князь
Рязанский князь Юрий Игоревич,
Что нет ему помощи от великого
Князя Георгия Всеволодовича
владимирского.

И вскоре послал за своими братьями:
За князем Давидом Игоревичем муромским,
И за князем Глебом Игоревичем
коломенским,
И за князем Олегом Игоревичем Красным,
И за сыном своим, за князем Федором
Юрьевичем,

И за Всеволодом пронским,
И за прочими князьями местными,
За боярами и воеводами.

И начали совеща́ться князья,
Как подобает нечестивого
Утолить дарами княжескими.
И послал великий князь сына своего
Князя Федора Юрьевича рязанского
И других князей к безбожному
Царю Батыю с дарами
И молениями великими,
Чтобы не разорял Рязанских земель.

Вскоре князь Федор Юрьевич
Пришел на реку Воронеж к царю Батыю
И принес дары и молил царя
Не разорять Рязанских земель.
Безбожный же царь Батый
Немилосердным был обманщиком;
Он принял дары, лживо обещал
Не итти войной на земли Рязанские.
Он ярился-хвалился завоевать
Землю Русскую.
И начал послов рязанских князей
Развлекать забавами потешными,
И просил у рязанских князей
Дочерей иль сестер себе на ложе.

И некий из рязанских вельмож
Подстрекать стал безбожного Батыя
На рязанского князя Федора Юрьевича,
Говорил ему, наговаривал,
Что имеет князь жену рода царского.
Она ж телом статна, красотой красна,
Краше утренней ясной зореньки.

Царь Батый лукав, лъстив, немилостив,
Он в неверии своем побуждаем был

Похотливым порывом плоти своей;
И сказал он князю Федору Юрьевичу:
«Дай мне, княже, ведать
Жены твоей красоту».

Благоверный Федор Юрьевич
рязанский

Посмеялся и сказал царю:
«Недостойно нам, христианам,
Тебе, царю нечестивому,
На блуд водить жен своих.
Если нас победишь, одолеешь нас,
То и женами нашими владеть начнешь».

Безбожный царь Батый
Огорчен был ответом мужественным
И, видя такое неповиновение,
Разъярился пуще зверя он.
И убить повелел в скором времени
Благоверного князя Федора Юрьевича,
А тело его велел выбросить
Зверям и птицам на растерзание,
А других известных князей
И людей воинских велел перебить.

И один лишь советник князя Федора
Юрьевича

Укрылся под именем Апоница;
Глядя на блаженное тело честного
Господина своего, горько плакал он.
И видя никем не охраняемое
Тело возлюбленного государя своего,
Тайно унес и схоронил его.
И поспешил к благоверной княгине
Евпраксии

И рассказал ей, как нечестивый царь
Батый
Убил князя благоверного Федора
Юрьевича.

Благоверная княгиня Евпраксия
Стояла в превысоком своем тереме
И держала любезное чадо свое —
Князя Ивана Федоровича постника.
И услышав слова смертоносные,
И горести преисполненная,
Тотчас ринулась с превысокого
Терема своего на сыру землю
Вместе с сыном князем Иваном.
И насмерть они разбились.

И услышал великий князь Юрий
Игоревич
Про убиение возлюбленного сына своего,
Блаженного князя Федора,
И иных князей и знатных людей,
Храбро погибших от безбожного царя,
И начал он сильно печалиться,
Горько плакал с великой княгиней,
И другими княгинями, и с братией.
И оплакивал их Рязань город
Много времени.

И едва отдохнув от великого
Того плача и рыдания,
Князь начал собирать свое воинство,
И набрал он дружины храбрые.

Князь великий Юрий Игоревич,
Видя братию свою, и бояр своих,

И воевод своих храбрых, мужественных,
Разъезжающих среди воинов,
Со слезами поднял к небу руки он
И сказал:

«Избави нас от врагов наших, боже,
И от восстающих на нас избави нас,
И защити нас от сонма лукавствующих.
И избави нас от множества
Врагов, творящих беззаконие.
Да будет путь их темен и скользок.
Не допусти, господи, им, окаянным,
Владеть землю Русскою,
А нам, рабам твоим,
Не дай быть в воле его».

И сказал князь братии своей:
«О, господа и братия моя,
Если от руки господней
Добрые дела приемлем,
То злые потерпим ли мы?
Лучше смертью нам жизнь завоевать,
Лучше умереть за веру крестьянскую,
За святые божьи церкви,
Нежели в воле быть у поганого,
Окаянного сего царя.
Изопьем чашу смертную.
Я сам, брат ваш, впереди вас иду
Испить чашу смертную,
За святые божьи церкви
И за веру христианскую,
И за отчину отца нашего —
Великого князя Игоря Святославовича».

И пошли они в церковь Успения
Пресвятой владычицы Богородицы.

И молились много перед образом
Милостивого вседержителя и пречистой
богородицы,
И молились Николе чудотворцу великому,
И сродникам своим Борису и Глебу,
И прощались у гроба отца своего —
Великого князя Игоря Святославовича.

И дав последнее целование
Великой княгине Агриппине Ростиславовне,
И приняв благословение от епископа,
И от всего священного собора,
Пошли против нечестивого царя Батыя.

И встретили его близ пределов
рязанских.
И начали биться крепко и мужественно.
И была сеча зла и ужасна.
Долго бились с вероломным врагом,
Пали многие полки сильные Батыевы.
Царь Батый видел:
Бьется мужественно войско рязанское,
Крепко господство рязанских войск,
Возбоялся он сильно русских дружин.
Но кто ж устоит против гнева небесного?

А Батыева сила велика и грозна,
Один русский воин — бьется с тысячею,
А два русских воина — бьются с тьмою.

И увидел великий князь
Убиение брата своего
Князя Давида Игоревича,
И иных князей и сродников своих,
И воскликнул в горести души своей:

«О, братия моя милая и дружина
ласковая,
Узорочье и воспитание рязанское,
Мужайтесь и крепитесь!
Князь Давид, брат наш,
Перед нами испил чашу смертную,
А мы ли сей чаши не изопьем?»

И пересев с коней на кони,
Начали биться прилежнее.
Удальцы ж, резвцы рязанские,
Бились крепко так и нещадно,
Что земля вокруг застонала.
И многие сильные полки Батыевы
Охвачены были смятением.
А великий князь объезжал свои
Полки русские, полки храбрые,
С таким мужеством врагов бившие,
Что противники удивлялися
Силе-крепости, стойкой выдержке
Рязанских дружин.
И едва смогли одолеть в борьбе
Их сильнейшие полки татарские.

И здесь был убит благовернейший,
Князь великий Георгий Игоревич,
И брат его, князь Давид Игоревич
муромский,
И брат его, князь Глеб Игоревич
коломенский,
И брат их Всеволод пронский,
И многие князья местные, воеводы крепкие,
И воинства удалцы и резвцы,
Узорочье и воспитание рязанское,
Все равною смертью в бою умерли

И единую испили чашу смертную.
Ни один из них не пришел назад...
Еле жив был князь Олег Игоревич...
И увидел татарский царь,
Как много пало в его полках
Перебитых татарских сил,
Начал сильно скорбеть, ужасаться стал...
И как лютый зверь, кровожадный волк
Покорять начал землю Рязанскую.
И велел бить и сечь всех без милости,
Стариков, мужей, жен и детей.
И текла кровь крестьянская,
Как река обильная...

Видел царь Батый Олега Игоревича,
Изнемогающего от великих ран,
И видал в бою его мужество,
И велел излечить от великих ран,
И для славы своей ему жизнь даровать.

Князь же Олег Игоревич
Гневно укорял царя Батыя,
Называл его безбожником
И врагом народа крестьянского.

Окаянный же Батый дохнул
Огнем мерзкого сердца своего
И повелед князя Олега Игоревича
На части дробить ножами острыми.
И принял он венец своего страдания
И был вторым страстоположником
После Стефана, христова мученика...

Окаянный царь Батый начал
Воевать-разорять землю Рязанскую,

Подошел к самому он городу
И со всех сторон обложил Рязань.
И бился неотступно пять дней и ночей...

Батыево войско переменивалось,
А горожане бесшумно дрались.
И много здесь было убитых в бою,
И много здесь было раненых,
И от великих трудов изнемогающих...
А на шестой день рано поутру
Подшли поганые к стенам города:
Одни с огнем, другие с пороками,¹
И с тьмачисленными лестницами.
И осадою взяли город Рязань
В двадцать первый день декабря месяца.

И пришли враги в церковь соборную
Пресвятой владычицы Богородицы,
И великую княгиню Агриппину,
Матерь великого князя, со снохами
И с прочими женами княжескими,
Изрубили мечами в церкви соборной.
А епископа и священный чин
Огню предали во святых церквах.
Много горожан пало от оружия,
А в городе много жен и детей
Враги лютые мечами пересекли,
И многих в реке потопили,
И весь город сожгли,
И все узорочье известное,
Богатство-убранство рязанское,
И их сродников киевских и черниговских
Разграбили, уничтожили,

¹ Стенобитные орудия.

И храмы божие разорили,
Во святых алтарях кровь пролили,
И многих людей в полон увели. . .

И не осталось в городе никого
из живых,
Все единую испили чашу смертную,
И не было здесь ни стонущих,
ни плачущих:

Ни отца и матери о детях своих,
Ни детей об отце и матери,
Ни брата о брате, ни ближних в роду,
Но все вместе лежали мертвыми. . .

Безбожный царь Батый видел
Обильно пролитую кровь крестьянскую,
Возгордился он, разъярился он
И пошел на город Суздаль и Владимир;
Хотел Русскую землю всю полонить,
И веру крестьянскую искоренить,
И церкви божии все разорить.

И некий из рязанских вельмож,
По имени Евпатий Коловрат,
В это время был в Чернигове,
Вместе с князем Игорем Игоревичем,
Собирали подати государя своего—
Великого князя Игоревича рязанского.

И узнав о приходе Батыея,
Зловерного царя монгольского,
Со многими сильными ордами,
Разорять-полонить землю Русскую,
Пошел из Чернигова с малой дружиною,
Торопил ее скорей скорого.

И приехал в Землю Рязанскую,
И увидел ее опустевшую,
Города разоренными,
Церкви сожженными,
Людей перебитыми.
И город Рязань лежал выжженным,
Разорен он был до основания;
Государи были перебитыми,
Горожане легли замятво:
Одни убиты, изрублены,
Другие в огне сожжены,
А иные в реке потоплены.
Поражен был Евпатий всем виденным. . .
Распалось сердце богатырское;
И собрал он скоро дружину малую
В одну тысячу и семьсот человек,
Которых бог сохранил;
Были они вне города.

И погнались они вослед
За безбожным царем Батыем,
Желая испить чашу смертную
Со своими государями;
И едва нагнали они его
В пределах земли Суздальской,
Напали внезапно на стан Батыя
И начали сечь без милости.
И смешались полки татарские
От того удара нежданного.
Началось в их рядах смятение.
Татары стали словно пьяные.
А неистовый Евпатий Коловрат
Так стремителен был, так нещадно
бил,
Что мечи у русских притупились.

И взяли тогда мечи татарские
И рубили ими пуще прежнего.

Татарам казалось,
Что мертвые поднялись.

Евпатий

Избивал сильные полки татарские
Стремительно и беспощадно;
Появлялся он неожиданно,
Разъезжал по полкам татарским
Храбро и мужественно,
Как побоялся бы и сам царь.
И едва поймали из полка Евпатиева
Пять человек воинских,
Изнемогших от великих ран,
И привели их к царю Батюю.

И царь Батый начал спрашивать:
«Какой веры вы, и какой земли,
И что так много мне зла творите?»

Они же ответили:

«Веры крестьянской,
Люди русские, великого князя
Юрия Игоревича рязанского,
Из полка Евпатия Коловрата.
Посланы же мы князем
Игорем Игоревичем рязанским,
Тебя, сильного царя, нечестивого,
Ратным подвигом почтить
И честно проводить,
И честь тебе воздать
Ратным подвигом, и пусть
Не удивляется безбожный царь:
Не успеет ему налить чашу смертную
На великую силу рать татарскую».

Удвиглся царь ответу их мудрому.
И послать велел своего шурина
Ховставрула на Евпатия,
А с ним сильные полки татарские.

Ховставрул же похвастался перед
царем,
Что Евпатия живо приведет к нему.

И выступили сильные полки татарские,
Хотя Евпатий мог чуть дышать,
Утомленный сражением длительным.

Ховставрул напал на Евпатия.
Но Евпатий был исполн силюю,
Он наехал и рассек Ховставрула
Богатырским ударом надвое.
И начал сечь силу татарскую,
И многих тут известных всем
Богатырей Батыевых перебил:
Одних пополам разрубил,
Других до седла отсекал.
Татаре утрашились грозной
Исполнинской силы Евпатия
И навели на него множество пороков.
Стали бить в него сточисленными
Стенобитными пороками,
И едва смогли умертвить его;
И принесли тело к царю Батыю.

Царь Батый послал за мурзами,
За князьями за ордынскими,
И за знатными вельможами,

И начал дивиться храбрости,
И крепости, и мужеству
Рязанского воинства.

И они говорили царю:
«Мы со многими царями
Во многих землях
И на многих бранях бывали,
А таких резвцов и удалцов
Отродясь не видали,
И отцы наши не сказывали нам.
Это люди крылатые
И не имеющие смерти.
Они храбро, крепко, мужественно
И бесстрашно сражаются:
Один—с тысячью,
А два—с тьмою.
И ни один из них
Не хочет уйти
Живым с побоища».

Царь Батый глядел на тело Евпатия
И говорил:
«О Коловрат Евпатий,
Искусно ты меня потрепал
Своей малою дружиною,
Да и много победил известных
Богатырей сильной орды.
И многие полки тобой уничтожены.
Если б у меня служил такой,
Держал бы его для сердца своего».

И велел передать тело Евпатия
Остаткам дружины его,
Которые пойманы были

На побоище еле живыми,
И повелел царь Батый их отпустить
И ничем не вредить.

Князь Игорь Игоревич в то время был
В Чернигове у брата своего
Князя Михаила Всеволодовича
Черниговского,
И был спасен от злого того отметчика,
Врага христианского;
И пришел из Чернигова в свою отчину,
На обильную землю Рязанскую.
И увидел ее опустевшею,
И услышал, что братья его
Все погублены нечестивым царем,
Законопреступником Батыем.

И увидел он в Рязань-городе
Повсеместное разорение.
А мать свою, и снох своих,
И родственников своих,
И многое множество горожан
Павших замертво...
И земля была опустевшая,
Города были разоренными,
Церкви божие сожженными,
И все узорочье-богатство великое
В казне рязанской и черниговской
Разграбленным, уничтоженным.

Видит князь Игорь Игоревич
Разграбление земли родной...
И жалостно воскликнул он,
Полный горечи и страдания,—

Как труба рати, глас подающая,
И как сладкий орган вещающий...

И от горя от страшного,
От великого рыдания
Без сознания пал он на землю
И лежал на земле словно мертвый...
И едва приведен был в чувство он,
Носимый дружиною по ветру,
И едва утолил горе свое...

И кто не восплачется
От такой гибели,
Или кто не зарыдает
О сельском народе,
Или кто не пожалеет
Множества государей,
И храбрых воевод,
И известных людей,
Внезапно тяжкой
Смертью скончавшихся,
Или кто не поскорбит
Об ужасном пленении!

Князь Игорь Игоревич,
Разбирая трупы мертвые,
Пашел тело своей матери—
Великой княгини Агриппины
Ростиславовны,
Опознал тела своих,
И призвал попов из соседних сел,
Ктох бог в живых сохранил,
Совершил погребение своей матери
И родных своих с плачем великим.
И вместо псалмов, вместо пения

Громко причитал и рыдал горько,
И похоронив трупы прочие,
И очистив град, осветил его.
И собралось в городе немного людей,
И было им мало утешения:
Беспреданно слезы проливали все,
Поминали отца с матерью,
И братьев своих и родных своих,
И все узорочье рязанское,
Так внезапно погибшее...

Погибли города и земля Рязанская,
Изменилась доброта ее,
Негде было видеть изобилие,
Только дым, да земля, да пепел;
Церкви были все погоревшие,
А соборная церковь почернела вся.
И не было в городе ни звона, ни пения,
Вместо радости—плач и рыдание.

И князь Игорь Игоревич пошел в те
места,
Где убиты были его братья
Нечестивым царем Батыем:
Великий князь Юрий Игоревич рязанский
И брат его князь Олег Игоревич
Красный,
И брат его князь Глеб Игоревич
коломенский,
И Всеволод пронский, и многие иные
Князья местные, и бояре, и воеводы,
И все воинство, удальцы и резвцы,
Узорочье и воспитание рязанское.
И лежали они на пустой земле,

На траве-ковыле, снегом и льдом
Промерзшие и никем не охраняемые;
И тела их съедались зверями,
И множество птиц терзало их.
Все лежали они, вместе умершие,
Одну чашу испив, чашу смертную.

И видя князь Игорь Игоревич
Великое число мертвецов,
Горьким плачем преисполнен был,
Восклидал порой грустным голосом,
Грустной думою затуманился.
И начал собирать трупы мертвые.
Князь Игорь Игоревич
Взял тело брата своего—
Великого князя Георгия Игоревича,
Князя Давида Игоревича муромского,
И князя Глеба Игоревича коломенского,
И Всеволода пронского,
И иных князей местных,
И своих родственников,
И многих бояр и воевод,
И ближних знакомых,
И многих удальцов и резвцов,
Узоречье рязанское,
Перенес их в город Рязань
И похоронил их с почестями.
И много мертвых на том месте,
На пустынном месте собрали.
И с надгробным пением
Похоронил их князь Игорь Игоревич
И пошел к городу Пронску.

И собрал раздробленные части
Брата своего благоверного

И христолюбивого Олега Игоревича,
И перенес его в город Рязань,
А честную его голову
Сам князь великий Игорь Игоревич
Целовал с уважением.
И положил его во единый ряд
С великим князем Юрием Игоревичем.
А братьев своих, князей Давида Игоревича,
Да князя Глеба Игоревича,
Положил у ног их во единый ряд.
И тогда же пошел князь Игорь Игоревич
На реку на Воронеж, где убит был
Князь рязанский Федор Юрьевич,
И взял честное и светлое тело его,
И проплакал над ним долгий час,
И перенес тело в отчину его,
К великому чудотворцу Николе
Корсунскому,
А его благоверную княгиню Евпраксию
И сына их князя Иван Федоровича

постника

Похоронил в одном месте,
И поставил над ними три креста каменные;
И по сей причине называется
Великий чудотворец Николаем Заразским,
Как и благоверная княгиня Евпраксия,
С сыном своим князем Иваном,
Поразившие самих себя.

Благоверный великий Игорь Игоревич,
Названной Козьмой при святом крещении,
Придя в город Рязань, на престол он сел
Отца своего, великого князя Игоря
Святославовича,

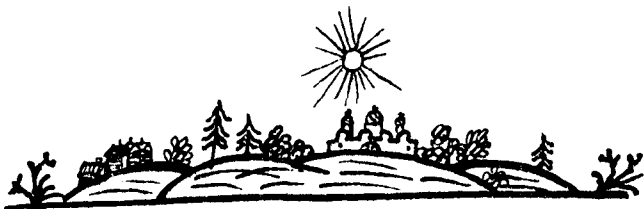
И обновил землю Рязанскую,
И церкви построил, и монастыри воздвиг,
И пришельцев утешил, и людей собрал.
И радостно было крестьянам всем,
Им же избавленным рукою крепкою
От безбожного и зловерного царя Батыя.
А премудрого князя Михаила

Всеволодовича,

Князя пронского, посадил
На отчине отца его—Всеволода пронского.
Да будет память усопшим за отчизну свою
И за веру христианскую.

Аминь.

Перевод В. Васильева

ЗЕМЛЯ РУССКАЯ

(XIII век)

светло светлая
И украсно украшенная
Земля Русская!
И многими красотами

Удивляешь ты:
Озерами многими
Изумляешь ты,
Реками и кладязьми
Месточтиными,
Горами крутыми,
Холмами высокими,
Дубравами чистыми,
Полями дивными,
Зверями различными,
Птицами бесчисленными,
Городами великими,
Селами дивными,

Садами виноградными
Монастырскими,
Домами церковными,
И князьями грозными,
Боярами честными,
Вельможами многими.
Всего ты исполнена
Земля Русская,
О правоверная
Вера христианская!

Отселе до угор
И до ляхов, до чехов,
От чехов до ятвигов,
От ятвигов —
До литвы, до немцев,
От немцев до корелов,
От корелов до Устьяга,
Где там живут
Тонмцы язычники,
И за дышущим
Белым морем,
От моря до болгар,
От болгар до буртас,¹
От буртас до черемис,
От черемис до мордвы,—
То все покорено
Было богом
Крестьянскому языку,—
Языческие страны—
Великому князю
Всеволоду,
Отцу его Юрию,

¹ Болгары и буртасы жили по Волге.

Князю киевскому,
Деду его
Володимиру и Мономаху,
Которым то половцы
Детей своих
Пугали в колыбели,
А литва из болота
На свет не выходила,
А угры укрепляли
Каменные города
Железными воротами,
Чтобы на них
Великий Володимир
В те места не пошел.
А немцы радовались,
Далече будучи
За синим морем;
Буртасы, черемисы,
Водь и мордва—
Пчеловоды бортничали
На князя великого
Володимира,
И жюр¹ Мануил
Цесарегородский,
Опасенья имея в то время,
И великие дары
Посылал к нему,
Чтобы только при нем
Великий князь
Володимир
Цесаря города
Не взял.

¹ Господин (греч.).

А те дни вспоминают
В горе крестьяне,
От великого Ярослава
И до Володимира,
И до нынешнего Ярослава,
И до брата его Юрия,
Князя Володимирского.

Перевод И. Беланович

ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

(Начало XIV века)

грешный и недостойный,
Начинаю писать житье.
Будет здесь, что отцы
поведали,

То, чему очевидец сам.
Годы зрелости Александра
Ярославича видел я
И об этом рад поведать,
Да хватило бы мне ума.
Молитва—моя надежда,
Богородице помолюсь,
Святой князь Александр поможет
Повесть жизни его начать.
Отец его—нищелюбец,
Скромнен князь Ярослав душой,
Благочестием Феодосия—
Мать прославилася его.

Он ростом высоких выше,
А голос его, как труба,
Гремит на народном вече, —
Красою равен Иосифу,
Что прославлен в Египте был,
И часть Самсоновой силы
У русского богатыря,
Равен царю Соломону
Премудростью дивной своей,
Храбростью равен Цезарю,
Вступившему в Ерусалим;
Побеждая, князь Александр
Воистину непобедим.
Прослышавши, странник некий
Шел из западной стороны,
И рост его богатырский
Андрейш хотел лицезреть,
И слово его услышать,
Мудрее всех прочих слов.
Вернувшись назад, Андрейш
Соотчичам рассказал:
«Все страны прошел доныне,
И все видел народы я,
В царях нет царя такого,
Во князьях нет таких князей».

Услышав об этом, сразу
Северный молвил король,
«Пойду на князя походом
И землю его полоню».
Он войско собрал большое,
На лайбах повез полки,
Исполненный духом ратным,
Приплыл на реку Неву:
И гордостью обуянный,

Прислал в Новоград послов;
Он сказал: «Торопись! Если
Ты противиться сможешь мне,
Я встал на Неве с полками
И землю твою полоню».
Сердцем был князь разгневан,
Услышав эти слова.
На колени в церкви Софии
Он пал перед алтарем,
Со слезами молился богу,
Пел божественные псалмы.
«Встань мне на помощь, господи,
Рассуди с королем мой спор».
В Софии архиепископ
Александра благословил.
Близко рати варяжские...
Горько знать, что великий князь
Не успел к отцу Ярославу
О нашествии весть послать.
Уповая на Святу троицу,
Князь дружины большой не ждал, —
Он вышел с дружиной малой,
Торопя свой к Неве поход.
Не в силе господь, а в правде, —
Твердо верил великий князь.
«Мученики-заступники,
Встаньте рядом, Борис и Глеб!»

Был в то время старейшина
Белгусич в Ижорской земле,
В крещенье Филиппом назван, —
Сколь он богоугодно жил!
Постился два дня в неделю —
И в среду-то и в пяток.
Утреничную морскую

Стражу Белгусич нес,
Следил с берегов Ижорских,
Где поставит ладьи варяг.
Был Белгусич на страже ночью
У обоих путей морских,
И слышит он шум на море,
Видит, судно плывет к нему.
Он видит: в одеждах красных
На судне Борис и Глеб, —
Стоят заступники рядом,
Держит за руку брата Глеб...
Гребцы, что сидят на веслах.
Будто мглой одеты сейчас.
Любимому брату Глебу
На заре говорит Борис:
«Вели им грести скорес,
Мы родичу Александру
Поможем с тобою, брат!»
Видение это видя
И мученика святого
Услышавши голос тихий,
Трепещущий он стоял...
И видит: уходит судно,
Скрываясь во мгле из глаз.
Когда же на берег моря
Пришел сам великий князь,
О том небывалом чуде
Он стражу велел молчать.

А сам поспешил наехать
На варягов часу в седьмом.
Сеча была великая
С варягами на Неве, —
Множество иноверцев
Легло от его копья;

И клял он копьем булатным
Печать на лицо короля.
Было у князя шестеро
Храбрых и сильных мужей, —
И мужествовали вместе
С Александром в сече они.
Смелый Гаврила Алексеич
Как мужествовал тогда!
На длинную лодку с парусом,
Куда убежал король,
Верхом на коне по доскам
С разгону въехал один;
Когда ж его окружили
И сбросили в море с конем,
Выплыл Гаврила из моря,
Воеводу убил копьём.
Новгородец Збыслав Якуныч —
Он с одним топориком шел,
Он страха в сече не ведал —
И варягов рубил топором.
И князь Александр дивился
Отваге и силе его.
Мужествовал половчанин
Яков, — он шел с мечом
Навстречу вражеской силе, —
И князь похвалил его.
Пешком со своим отрядом
На вражеские корабли
Миша шел новгородец —
И три корабля погубил.
Вздымался золотоверхий
У реки шатер короля, —
И княжеский отрок Савва
Поехал прямо к нему:
Столи он подсек шатерный

Острым своим мечом, —
И радовались новгородцы,
Увидав, как упал шатер.
Окруженный на поле, бился
Храбрый княжий слуга Ратмир
И, множеством ран сраженный,
Он на берег высокий пал.
(Об этом о всем поведал
Мне после великий князь
И бывшие в сече этой
На крутом берегу Невы.)
А завтра реку Ижору
Обходил победитель-князь;
И всюду лежат варяги,
Убитые в сече той,
Варяжских полков остатки
Убежали вверх по Неве,
А трупы везли на лайбах
И топили в морской волне.
Вернувшись после победы,
Князь хвалил и славил творца,
Он славил отца и сына
И святого духа хвалил,
Прославляя ныне и присно,
И вовеки веков.

Аминь!

Настало второе лето —
Вновь пришли в русский край враги,
Город немцы построили
На нашей родной земле.
Разгневался князь великий
И на немцев пошел в поход,
И он разорил тот город,
Что построен в нашей земле,

И многих убил на месте,
А иных захватил в полон.
Многих пленных помиловал,
Отпустил их в немецкий край, —
Был милостив князь великий,
И безмерна милость его...
Когда похвалялись немцы
Славянский народ покорить,
И заняли Псков, и в Пскове
Посадили своих на власть,
Пошел на рыцарей смело
С великой силой князь.
Изгнал он из Пскова немцев
И побил он их без числа...
Собравшись, решили немцы
Князя русского победить;
Но на Чудское озеро
С Александром вся рать пошла.
Исполнившись духом ратным,
Мужи храбрые встали в круг,
Сердца их львиными стали, —
Говорили князю они:
«Дорогой наш и честный княже,
Ныне время пришло нам,
За тебя ныне положим,
Наши головы в сече сей!»
И руки воздевши к небу,
Промолвил великий князь:
«О, господь, рассуди распрю!
Помоги, как прежде помог
Ты прадеду Ярославу».
Сражен Ярославом с честью
Окаянный был Святополк.
День был в начале субботний.
Над озером солнце взошло, —

И встретились оба войска
В тот день на озерном льду.
И треском булатных копий
И звоном скрещенных мечей
Наполнились сразу дали,
Колыхался озерный лед...
Его не увидишь больше, —
Красным стал он от крови весь,
Очевидец сказал, будто
Видел он, как небесный полк
По небу тому неожиданно
Александру на помощь шел.
Победа с помощью божьей
Подлых немцев тогда гнала, —
Прославился пред полками
Князь, как древле Иисус Навин.
И нет никого, кто в брани
Противиться может ему.
Вернулись в Псков повгородцы,
С победою славною шли, —
А рыцарей полоненных,
За конями шедших, не счесть.
Игумены со крестами,
Священники в светлых ризах,
Князя ждали у въезда в Псков, —
В Пскове почестъ великую
Ему воздавал народ.
«Сам бог оружием крестным
Помог тебе, славный князь, —
От немцев иноплеменных
Псков тобою освобожден».
До правнуков Александра
Будет слава его жива!
Услышали имя князя
Иноземные все края —

От моря до Аравитской
Стороны и далеких гор,
И оттоль до страны варягов
И до мест, где поставлен Рим.

В то время в стране восточной
Правил царь могучий Батый, —
От запада до востока
Все народы он покорил.
Прослышав о славе князя,
Посылает к нему послов:
«Ты знаешь ли, князь великий,
Что Восток весь подвластен мне,
Ты ли один не станешь
Покоряться силе моей?
Коль землю спасти свою хочешь,
Ты приди честь царства узреть!»
Приехал князь во Владимир,
Схоронив отца своего,
О грозном его приезде
Шла до устья Воши молва.
Стращали друзей угрозой
Матери моавитян,
Что князь приехал к Батыю;
И увидел его Батый,
И сказал: «Воистину нету
Столь великих, как он, князей».

На брата его на младшего
Прогневаясь потом Батый, —
Пошел на князя Андрея
Воевода Батыев Немвруй.
Было тогда разоренье
На Суздальской всей земле.
Александр пленил Немвруя,

Снова церкви воздвигнул он.
Города построил, как прежде,
И распуганных всех собрал,
Чтоб в Суздалье вновь, как раньше,
Им жилось в своих домах.
А древний пророк поведал
О князьях таких, как он:
«Благ, обхождением приветлив,
Он богатства не собирал,
Он сиротам и вдовицам
Самый праведный суд творил,
Он сиротам был кормильцем,
Миру милость свою даря».
Зато богатство и славу
Даровал его землям бог.

Иереев чтит и монахов
Новгородский великий князь,
Почитал он митрополита
Так, как чтит самого творца.
Испытание было злое
От поганых русской земле, —
И пошел Александр к Батыю
Отмолить людей от беды.
А сына и брата младшего
От немцев послал в поход.
И в Юрьев, где сели немцы,
Новгородцы вошли тогда, —
Вернулись потом с полонем
И великой честью назад.
А князь на пути к Батыю
В многогорестный этот год
Занемог в Новом городе
Славной Низовския земли.
О, горе мне, летописцу!

Как я смерть его опишу,
Как глаза мои со слезами
Не надут на сырой песок,
Как от горькой этой печали
Не расколется сердце враз?..
Отца позабыть возможно, —
Александра забыть нельзя.
Не писать бы мне эту повесть —
Легче лечь бы живому в гроб!
А по господе боге крепко
Ревновал наш великий князь, —
Он принял смиренно схиму,
Чтобы в царство небес войти.
Он дух свой господу с миром
Предал в ноябрьский день,
Кирилла митрополита
Слово слышали мы тогда:
«Закатилось, родные чада,
Солнце Суздальския земли!»
Ко Владимиру тело князя
Попесла дружина его
С кадилами, со свечами;
В Боголюбове ждал народ,
И впереди всех плачущих
Шел навстречу митрополит.
Толкали люди друг друга,
Чтобы к гробу его пройти, —
А пролито слез по князю,
Что от крика земля тряслась...
Свершилось дивное чудо:
После службы митрополит
Разогнуть хотел его руку,
Чтоб духовную положить, —
И будто живой, ту руку
Разогнул сам великий князь.

Нашел тогда страх великий
На всех, кто сие видал.
Со 'псалмами святыми, с песнями
Хоронили князя зимой,
Прославляя святую тройцу
Ныне, присно и в веки веков.
Аминь!

Перевод В. Саянова

ЗАДОНЩИНА

(Начало XV века)

ыновья, друзья и братья
русские, —
Слово к слову мы теперь
составим, —

Землю русскую возвеселим,
Весь в печаль повергнем край восточный,
Долю Сима, — над царем Мамаем
Русскую победу возгласим.

Князя мы великого прославим —
Дмитрия Ивановича с братом,
Серпуховский славься храбрый князь,
Князя брат великого Владимир.
Скажем так: что было б лучше, братья,
Нам иными словесами повесть

В похвалу начать князьям обоим —
Киевский Владимир прадед их!

По делам начать, не по былинам,
Мы теперь не станем уноситься
Мыслями над землями, помянем
Самых первых лет мы времена
И восхвалим вещего Бояна —
Киевского славного певца.
На живые струны золотые пальцы
Клал Боян и воспевал искусно
Землю русскую и храбрых воинов.
Все князья прославлены им: Рюрик,
Игорь, Владимир и Ярослав.

Мы помянем правнуков святого
Киевского князя и восхвалим,
Песнями обоих их прославим,
Гуслеными буйными словами,
Потому что мужественно было
Их усердие в бою за нашу землю,
За святую веру христиан.

Ум усилия крепостью своею,
Возбудивши мужеством сердца,
Ратным духом жизнь свою наполнив,
Воевод везде поставив храбрых,
Вспоминали прадеда они.

Жаворонок — красных дней утеха,
Ты лети высоко в поднебесье, —
Дмитрию Ивановичу с братом
Славу ты воспой:
Ведь то не буря

Мы в бою за нашу землю русскую,
За родную веру христианскую».

И сказал великий князь родне всей,
Русским он князьям сказал тогда:
«Братья милые, князья мои родные,
Мы гнездо Владимира святого,
Рождены мы не на поруганье
Никому, — ни ястребу, ни соколу,
Никому, — ни злему черну ворону,
Ни тебе, поганый пес Мамай!»
Птица соловей, прощепечи же
Песнь свою ты сыновьям Ольггердовым,
В Брянске — Дмитрию, Андрею брату —
в Полоцке.

Мужи храбрые — их на щите родили,
Повивали их в боях под трубами,
Матери качали их под шлемами,
Их с конца копья вскормили воины,
С острого меча поили сызмалу
Дмитрия с Андреем на Литве».

И сказал Андрей родному брату:
«Оба, брат, мы сыновья Ольгерда,
Дед наш Гедпмин, а прадед
Храбрый муж литовский Скольдимер.
Соберем скорей дружину милую,
Сядем, брат, на коней наших резвых,
Сразу к Дону быстрому помчимся.
Будем шлемом воду пить из Дона
И булатные мечи с тобою вместе
Испытаем на ордынских шлемах,
Копья испытаям о кольчуги,
О кольчуги басурманские».

Гуси дикие над Доном гоготали,
Крыльями вдруг заплескали лебеди.
То не гуси дикие гогочут,
То не плещут лебеди крылами,
То идет на Русь орда Мамаю.
Птичий гам беду сулит под облаком.
Вороны так нестерпимо каркают,
Клевет орлов и волчий вой разносится.
И лисицы лают над Непрядвою...
О земля, земля родная, русская,
За холмом ты скрылася теперь!

От высоких золотых насестов
Отрывались ястребы и соколы,
Обрывали с силой шелк опутины,
Возвивались в поднебесье синее,
И над быстрым Доном колокольцами
Все звенели ястребы и соколы,
Чтоб ударить на стада гусиные,
На стада ударить лебединые:—
То богатыри ударят русские
На тебя, поганый царь Мамай!

Дмитрий сразу в стрели золотое
Тут вступил и в руку взял свой меч,
Помолился князь великий богу
И пречистой матери его.
Ясно светит солнце на востоке,
Путь князьям указуя на Дон;
А Борис и Глеб творят молитву
За князей — сородичей своих.

Что за шум и что за гром в предзорьи!
Князь Владимир к Дону вел полки,
Говорил он: «Князь великий, Дмитрий!

Не поддайся ты орде поганой,
Ведь на тех полях уже орда!
И промолвил князь великий Дмитрий:
«Брат мой милый, мы с тобой два брата,
Внуки мы Ивана Калиты,
Воеводы наши — мужи крепкие,
А дружина русская обучена,
Под дружиной нашей кони быстрые.
А доспехи на дружине золоченые,
А кольчуги на любом булатные,
А шелома крепкие черкесские,
А щиты московские на войнах.
Конья у дружины иноземные,
А кинжалы острые, сирийские.
А дорога к Дону нашим ведома,
Перевозы всюду нами ставлены.
Положить главу за землю русскую
Жаждет каждый, и за веру правую».
И летит дружина ветром веющим,
Как живые, плещутся хоругви,
Чести ждет доблестной себе.

Соколы и кречеты и встребы
За великий Дон перелетели,
В даль, где крылья плещут лебедей.
То летят не соколы и кречеты,
То дружина Дмитрия рванулась,
Хараужными ударив копытами
О доспехи звонкие орды,
На Непрядве-реке возгремели
По поганым племам их мечи.

Тучи шли над Куликовым полем,
Грома гул и синих молний блеск!

То вступила русская дружина
В смертный бой с поганою ордой;
И сияют золотом доспехи,
Меч с утра гремит о ханский шлем!
То не тур ревет, смертельно ранен,
То тела на поле Куликовом
Воинов, посеченных ордой!

Пересвета чернеца призывали,
И сказал великому он князю:
«Лучше лечь нам мертвыми на поле,
Чем в постылый отойти полон!»

Скачет Пересвет на вощем Сивке,
Свистом поле перегородив:
«Старым молодеть настало время,
Молодым добиться бранной чести,
Силу плеч могучих испытать».

Брат Ослябя молвил Пересвету:
«Вижу, брат, я тяжесть ран кровавых,
Часть тебе на белую ковыль,
И на той траве с тобою рядом
Мне лежать на поле Куликовом,
На Непрядве-речке, за обиду
Княжью и русской всей земли».

А на пашнях пахаря не кличут,
Тишина на русской всей земле,
Трубы не трубят, кукушки плачут,
Каркает зловеще воронья,
Ожидая трупов на долинах.
Страшно видеть, жалостно увидеть
Всю траву в крови. Тогда склонились
Дерева в печали до земли.

Нели птицы жалостно, и слезы
Проливали русские княгини,
Об убитых плакали мужьях.
Плакала жена Микулы — Марья
У Москвы по мужу-воеводе,
На ограде говоря: «О Дон,
Дон мой быстрый, каменные горы
Ты пробил, прорыл булатный берег,
Землю половецкую прошел,
Мужа моего верни Микулу».

Воевода Тимофей Валуевич —
По нему жена Федосья плакала.
Воевода Всеволожский Дмитрий
Марья слезы по утру лила:
«Нам теперь в Москве веселья нету,
Мы не чаем видеть их в живых».

Плакала жена Андрея Марья,
И Анисья утром вместе с нею
По Михайле мужу слезы льет:
«Солнце нам обем уж померкло
На Москве родимой навсегда.
И сулят великое несчастье;
Чужем мы, на суженое место
Пали удальцы с коней проворных,
За рекой на Куликовом поле».

Кличет Див под саблями поганых
В русских землях.

То не щуры пьне
Жалобно запели на заре.
То над самым берегом Москвы-реки

Плачут жены в городе Коломне
О мужьях погибших:

«О Москва,

Что ж мужей умчала наших храбрых
В Половецкий край?

О князь великий,
Дмитрий Иоаннович, иль сможешь
Днепр исчерпать веслами и Дон весь
Трупами поганых запрудить?
На Оке-реке замкни ворота,
Чтоб сюда поганым не добраться.
Потеряли мы мужей на поле —
Но тебе б не плакать, государь».

В Рождество святая богородицы
Полегли на поле Куликовом
У реки Ордынские полки;
И, коня пришпорив, князь Владимир
Их топтал копытом у Непрядвы,
Шлем снял на солнце золотой,
А мечи булатные над полем
По ордынским шлемам все гремят!

Честь воздал тогда Волынец-Дмитрий
Справуку Владимира Святого:
«Брат Владимир! Честь тебе и слава,
Ты Руси железное забрало
В трудные такие времена».
И ему ответил князь Владимир:
«Не отстань с полками, брат любимый,
Наступает вновь орда поганых,
Храбрая легла дружина наша,
И по трунам коням трудно мчаться,
По колено шастая в крови».
И сказал тогда Волынец-Дмитрий:

«Вы — князья, бояре, воеводы,
Старым молодеть настало время,
Молодым добиться чести бранной,
Не московские сладки сегодня меда,
Честь себе добудемте и славу!»

И быстры, как соколы в полете!
На коня вскочил Волинец-Дмитрий:
«Брат Владимир, мчимся на поганных,
Изопьем с тобой медвяну чару!»

И Владимир наступал с полками,
И мечи булатные гремели
У реки под шлемами поганных.
И бежали по полю ордынцы.
Головы руками закрывая.
Русские ж все поле Куликово
Кликами в тот день огородили.
Озарили золотом доснехов.

И стоял на поле Куликовом
Тур, огромный,
Под его копытом,
Политое кровью, поле брани
Все в костях песеченной орды
В этот час чернело.

И полки

Напоследок вновь сошлись вместе,
Притоптав холмы, поля, луга.

Возмутились реки и озера,
Кликнул Див по землям всем, велит он
Слушать вести грозные свои.
Прогредела слава прямо к морю,
К тем Железным Касния вратам.

К Риму, к Кафе, к славному Царьграду:
Победила Русь поганую орду.

И бегут ордынцы к лукоморью,
Слезы льют поганые: «Отныне
Не вернемся мы в свою орду.
Больше нам детей и жен не видеть,
Стонет ныне наша вся орда
В бедах и в печалях.
Похвальбы нет больше над Русью...

Узорочья

Русские уже везут к себе,
Всех везут — и коней и верблюдов,
Шелковые ткани и атласы,
Серебро и золото, доспехи,
Жемчуга...

И золотом ордынским
Восплескали жены на Руси».

На Руси теперь веселье, буйство,
Слава русская высоко вознеслась.

На землю повержен Див, — страшатся
Земли все тебя, великий князь!
Русские князья и воеводы
Все полки поганые прогнали,
Побросали тут мечи ордынцы
И бегут по полю, подставляя
Головы под русские мечи.
Трубы не трубят их, глас унылый...

Князь великий встал на поле брани,
Брат Владимир рядом, воеводы
Все сошлись на поле Куликовом,
На реке Непрядве.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Чичеров. Героическая поэзия древней Руси (вступительная статья)</i>	3
<i>Притча об обрах. Перевод В. Васильева</i>	21
<i>Сказание о Кожемяке. Перевод В. Саянова</i>	24
<i>Сказание о Белгородском киселе. Перевод Д. Левоневского</i>	27
<i>Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова. Перевод В. Стеллецкого</i>	32
<i>Повесть о приходе Батыя на Рязань, о Евпатии Коловрате и князе Игоре Игоревиче. Перевод В. Васильева</i>	56
<i>Земля Русская. Перевод Н. Белинович</i>	77
<i>Житие Александра Невского. Перевод В. Саянова</i>	81
<i>Задонщина. Перевод В. Саянова</i>	93

Редактор В. С. Спиридонов

*Переплет, титульный лист, вставки,
инициалы В. Зенькович*

Худож.-техн. редактор Ал. Кукуричкина

М 00262. Подписано к печати 4/IV 1944 г. Тираж 10000. Уч.-авт. л. 5,3.
Печ. л. 3³/₈. Заказ № 74. ЛТ—УН-6.

Библиотека

3 р. 50 н.

173